

18+

ЛАТЫШСКИЙ КЛАССИК И СОВРЕМЕННОК

ПРАЧКА

ПОВЕСТЬ - ДРАМА

АВТОР:

В. А. Степанов

Он же: Мамкин-Вольдемар-Небезизвестный

Он же: Древарх-Просветленный

Он же: Сам.Издат.

Он же: тираж – «шибко мало»

Он же: Заказ - «много-шибко»

Он же: Формат А4

Усть-Двинское книжное издательство «На дому».

2021 г.

Владимир Степанов

Прачка

«Издательские решения»

Степанов В.

Прачка / В. Степанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555722-3

Чего только не случается в жизни! Эта повесть о талантливом, многогранном актёре провинциального театра, которому невольно пришлось играть выдуманные роли, чтобы выжить в этой нелёгкой, полной противоречий жизни.

ISBN 978-5-00-555722-3

© Степанов В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	13
5	15
6	17
7	19
8	22
9	24
10	26
11	28
12	32
13	35
14	37
15	39
16	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Прачка

Владимир Степанов

© Владимир Степанов, 2022

ISBN 978-5-0055-5722-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мутные, серые волны плевались бешеной пеной и в зловещей, бессильной ярости бились в стекло иллюминатора. Они отступали, набирая силу, и вновь бросались на круглое стекло, пытаясь бурлящим тараном пробить его и ворваться стремительным потоком в маленькую каюту, чтобы найти покой от разгневанной, разыгравшейся бури. Шум за иллюминатором нарастал глухим рокотом и затихал, неожиданно издавая резкие, звонкие дребезжания, переходящие в шлепки, будто аплодировал кому и плавно переходил в тихое, даже успокаивающее постукивание. Маленькое, круглое окошко стойко сдерживало бешенный напор этой серой массы.

– Боже ж мой! Силища какова! А каков порыв стихии неудержной! Чарующе, невероятно, как чарующе! Великолепное зрелище! Что творится за этим стеклом, в этой грязной мути океана! Великолепно...! Буревестников и тех, затянула пучина морская! – медленно растягивал слова восторга, очарованный видом из круглого окна, Аркадий Петрович Шуйский, уткнувшись потным лбом в иллюминатор.

Неожиданно, из чёрной, крутящейся, пенистой массы вынырнула акула с раскрытой страшной пастью. Она на какое-то время прилипла белым брюхом к стеклу, но тут же была смыта навалившейся волной. Это жуткое, мимолётное явление, заставило Аркадия Петровича резко дёрнуться всем телом назад. С большой опаской в шаге от иллюминатора он всматривался в муть бурлящей воды, но акула больше не появлялась.

– Вероятно померещилось, мираж скорей всего, на море! – успокоил себя усталый Аркадий Петрович, – Нет, нет, невозможно боле глядеть...! Это зрелищное великолепие превращается в ужасное зрелище, даже границ не разглядеть – где небо, а где вода, одна муть! Это ужасно! Когда же всё это закончится? Как я устал! До невозможности устал!

Не вставая с широкой табуретки с подпиленными ножками, он дотянулся до горлышка нераспечатанной бутылки и аккуратно взял её в руки, любясь строением стеклянного тела. Вскоре послышался скрип откручиваемой пробки. Шуйский наливал из бутылки в белую кофейную чашку, до самых краёв.

– Невероятный аромат, просто божественный...! – он подносил чашку к носу и глубоко вдыхал, кряхтя от удовольствия.

Прихлёбывая сладкий, густой, липкий напиток, он смотрел в окошко иллюминатора уже не испытывая страха, а морская буря за стеклом бушевала с прежней силой и, казалось, совсем не собиралась стихать. Шуйский медленно повернул голову и долго смотрел на циферблат будильника, не понимая, а зачем он на него смотрит?

– А в чём собственно дело-о...? – протянул он вялым языком. – Смысла смотреть на время в данный момент, никакого нет... Здесь бушует буря, и закончится она..., – наступила пауза, – А вот сейчас и есть..., вот тот самый смысл...! Во всяком случае, когда, ну-у-у... определённо необходимо смотреть на них, на эти вот самые стрелки, потому как закончится она через двадцать три минуты. Во-о-о-о... от! – каждое произнесённое слово давалось ему всё труднее и труднее, липкий язык во рту, измазанном и тоже липком от содержимого белой чашки, совсем перестал ворочаться.

Аркадий Петрович почувствовал, как его начинает шатать и укачивать на табуретке. С шумом дососав густые капли до дна, он налил ещё, теперь только до половины чашки. Подняв бутылку вверх, чтобы водрузить её на полку, его глаза невольно повернулись в сторону иллюминатора и, в этот самый момент, из чёрной, крутящейся, бесформенной массы, вынырнула та самая акула со страшными, треугольными, белыми зубами в широко открытой пасти.

Бурлящая масса в лепёшку, намертво прижала акулу к круглому стеклу, и уже никакая сила не могла соскрести её с иллюминатора. Невыносимые звуки скрежета раздавались по всей

каюте и ужасно давили на уши. И сейчас, Аркадию Петровичу явно казалось, что акула начала грызть стекло. Воспалённые, усталые глаза его округлились, рука с бутылкой, зависшая над полкой, задрожала, а тело судорожно задёргалось, как на электрическом стуле!

Шуйский, не владея налитым тяжестью, размякшим телом, медленно заваливался с табуретки на спину, задрав вверх босые в тапочках ноги, не выпуская из рук бутылку и белую, маленькую чашку.

2

Полярный день только начал пробуждаться, и круг ещё холодного солнца жёлтым блином стоял на бесконечной черте горизонта. Кольский полуостров просыпался вместе с солнцем от сорокадневной спячки. На пороге стоял старый-новый 1961 год! Полярная ночь уползала дальше, к Северному полюсу, волоча за собою своё длинное и тяжёлое, чёрное одеяло.

Шуйский очнулся! Он поймал себя на том, что только что издавал звериный храп, даже рот не закрылся ещё. Он лежал на спине в ворохе грязного белья, которое должен был постирать до утра. Но утро его не ждало, оно уже настало! В комнате стояла зловещая тишина, и он тут же почувствовал, что ничего хорошего и доброго она не предвещала! Ночная буря утихла и больше не давила на уши пронзительным, бешеным воем, металлическим скрежетом и глухими стуками.

Он смотрел в потолок на одинокую лампочку. Она, будто по радиации шпион, передавала шифровку световым морганием, ярко вспыхивая и затухая. Даже не напрягая глаз, можно было рассмотреть её вольфрамовую ниточку.

– Опять перебой с электричеством! Сколько ж их надо, ламп этих, каждую неделю новую, новую...? Чемодан целый закупить, что ли? Горят твои лампы, Ильич, разоришь ты меня! Ой голова...! Господи, как она болит! А во рту то что...? Боже правый, язык залип! Может Леопольд из шестой, сволочь серая, и впрямь мне в рот...? Да он же мне в рот насрал, паскуда! – Шуйский не на шутку встревоженный, зашевелил тяжёлым, сухим языком. – Слава богу, пустой! Эта дрянь полосатая может, он много чего может, он не промажет, скотина шерстяная! У-у-й-й-й, не могу...! Да нет же, не он это, его же увезли из барака, недели две как, не меньше, его не могло быть здесь. Боже, я ещё не проснулся!

В этом жилом бараке у Шуйского было три недруга: один двуногий из братьев наших больших, то есть разумных и двое из меньших братьев, неразумных значит, те, кто на четырёх ногах и лохматые. И все трое жили единой семьёй в одной квартире под номером шесть!

– Что же утро мне сулит...? – он тяжело вздохнул. – Глаз заказчика огнём презренным будет жечь тебя сегодня. Какой позор, а стыд, аж до пяток прожигает! Ещё вчера, ты бил себя рукою в грудь, клятву было чуть не дал, а совести хватило к стакану руку протянуть и огурец солёный в глотку наглую воткнуть! До дегустировался чувак! И не кисель это вовсе – изобретение это! – Задумавшись, Шуйский брезгливо рассматривал правую руку. – Ты такая же скотина, что и Леопольд, только гораздо хуже! Он с лицом без маски, а на тебе, всё маски, маски – доиграешься, актёр...! С тебя же вскоре, сегодня даже быть, скинут маску, не спрячешь совесть долго в ней. А тебе всё мало..., того раза не хватило – на приключенья новые, снова зад твой покатило! О-о-о-хо-хо...! Может ещё успею в третью сдать, до девяти, целых два часа! Пробудись же, бессовестная совесть моя!

Шуйский хотел приподнять голову, но что-то крепко держало его за волосы. Он не без труда повернул её вправо. На полу, в двух шагах, лежали пустые бутылки: маленькая из-под водки и пять из-под пива. И только одна, среди павших сосудов, гордо стояла во весь рост, выделяясь своей особой формой и красивой этикеткой!

– Вот ты какая – «змея коварная!» До чего ж ты меня довела – ядом члены обездвижила мои, всю ночь в морской пучине, плавал с кружкой белою в руках. Ты скажи – почему подняться не могу, что нацепила на меня? Нерусь стеклянная, что сейчас со мной творится..., говори?

Шуйский дотянулся до стройной бутылки и внимательно начал её рассматривать. Узкое горлышко из тёмного стекла резко переходило в форму круглой крыши средневековой башни, покрытой черепицей, а длинное туловище её у самого основания, имело выпуклый, рифлёный ободок. На красивой, наклеенной этикетке, жирно выделялись два слова не русского алфа-

вита – «VANA TALLINN», под которыми раскинулась панорама старого города. Братская Эстония совсем недавно изобрела, невиданный доселе советским республикам, собственный рецепт ликёра. Этот ликёр вскоре стал гордостью маленькой, прибалтийской республики.

Первые поставки супер-ликёра расходились по большим городам СССР и за границу. И этот продукт, ещё не знакомый суровому мужику заполярья, можно сказать одним из первых, опробовал Аркадий Петрович, который после его дегустации, с глубокой ночи лежит в беспмятстве в куче грязного белья. Только сейчас, когда наступило утро, он стал тщательно изучать все буквы и циферки на элегантной этикетке с изображением старого Таллинна, столицы производителя коварного зелья. Его пасынок, Егорка, моряк дальнего плавания, привёз две бутылки этого изобретения, когда их корабль зашёл в Таллиннский порт на погрузку.

– Тятя, (так он называл Аркадия Петровича), выпьешь, когда повод подвернётся! – вспоминал его слова Шуйский. – Я бы посидел с тобой, но через два часа мне на вахту. – Уходя, Егор к бутылкам приложил ещё и коробку настоящих Гаванских сигар.

Рядом с бутылками лежал вырванный из тетрадки листок в клеточку, он дотянулся рукой и взял его. В глаза бросились первые большие буквы на русском языке – «АХТУНГ», а дальше побежали строчки, исписанные мелкими буквами. Это была инструкция по пользованию стиральной машиной – полный автомат, изобретённой в Германии немецкими умельцами. Шуйский, в который раз, подозрительно смотрел на двери комнаты, они были плотно закрыты, и всё же, сомнения не покидали его.

– Значит эта серая, полосатая скотина здесь не ходила! Слава богу, что в рот не навалил! До чего же мерзкий тип, и как только природа таких творит, из какого материала...? Безусловно, он один из подвида гадких паразитов! Всевышний наш, прости меня, я прекрасно понимаю – нет границ твоих фантазий, каких ты тварей лепишь – это просто ужас! Опять я про него, шкура серая! Да что же это такое – его же увезли, и он хороший, вполне хороший кот! Теперь стал хорошим, однако...!

Шуйский начал поворачивать голову влево, всё ещё не понимая, кто же держит его за волосы? И тут, как и ночью, его снова всего передёрнуло, он увидел ту самую страшную акулу, при виде которой, он тогда лишился чувств. Эта акула, так и не отвалилась от прозрачного стекла круглой дверцы стиральной машины – его гордости, которая дала ему право на домашний труд и не голодное существование.

Он смотрел на немецкую красавицу, свою кормилицу, которая тихо стояла в двух шагах по левую руку – не шумела и не тряслась. Она отдыхала после ночной, бесперебойной работы. Во всём Мурманске, да где там, по всему Кольскому полуострову и пятерых счастливых не найти, кто владеет таким стиральным чудом. Это чудо с вечера и до глубокой ночи само стирало, полоскало и отжимало за всех баб барака, оторвав их от серых корыт и стиральных досок. Как они были ему благодарны, Аркадию Петровичу!

Шуйский навёл туманные глаза на машину. На стекле круглой дверцы, обрамлённой в позолоченное, металлическое кольцо, улыбалась во всю ширь, зубастая пасть белой акулы. Это страшилище было пришито к фартуку из грубого брезента. Хозяйкой фартука, который разрушил весь процесс ночной стирки, была работница рыбного комбината Семёновна, из квартиры номер три!

Аркадий Петрович сделал ещё попытку поднять голову, но безуспешно, и продолжал беспомощно лежать на спине. Он мучительно напрягал память, пытаясь вспомнить, что делал ночью. Как валился с табуретки и лишился памяти, и почему сейчас лежит в грязной куче тряпья, которое должно быть постиранным, он вспомнить никак не смог.

3

Шуйский, по случаю приобретения стиральной машины, а если быть точным – подарок от Егорки, решил открыть прачечный цех на дому! Начал с ближних, то есть с жильцов барака. Обстучав костяшками пальцев все одиннадцать дверей барака, исключая свою, он предложил свои услуги по стирке белья. Бабым радостям не было конца! Поставив свои условия, он составил график очерёдности и назначил цену, за каждый килограмм грязных тряпок. Мешки, набитые бельём, караваном поплыли в прачечную комнату под номером один, где он и жил.

Глядя в потолок, Шуйский сосредоточился и включил память, прокручивая до мелочей вчерашний день. И так, настал первый день стирки!

– Вот это настоящая работа для меня, необходим только контроль, и ещё раз контроль, – давал себе установку счастливый Аркадий Петрович. Чуть руками пошевелить в такой работе – это для меня!

– Какой же молодец мой Егорка! Чтоб твои морские походы проходили без тошноты и рвоты, без туманов и штормов! – от всей души благодарил Шуйский Егора, стремительным шагом подходя к крыльцу магазина. Он решил скучный процесс прачечного дела сгладить одной-другой бутылочкой пива, но не устоял и прихватил с собой ещё «маленькую» – беленькую, когда представил перед глазами объём мешков с бельём и их количество, понатасканных со всего барака.

После принятых двух бутылок пива, процесс стирки начался! Точно отмерив порцию стирального порошка «Новость», Шуйский заложил первую партию белья. Посмеявшись над передником, на котором была изображена кривая черта в виде морской волны, а над нею гордо реяли три буревестника, он вдруг вспомнил стихотворение Максима Горького. Грохот от вибрирующей машины заполнял крошечную комнатёнку. Металлические пуговицы, пряжки, крючки, пришитые к штанам, курткам и комбинезонам, лупили по стеклу дверцы и по крутящемуся с бешеной скоростью железному барабану, издавая противный скрежет, визг и какой-то не «русский» вой.

Немецкая машина была запущена! Нескрываемая радость не сползала с лица Аркадия Петровича. Он широко улыбался и, в то же время, очень сосредоточенно изучал инструкцию по эксплуатации. Написанный от руки мелкими буквами текст на тетрадном листке был переводом с немецкой инструкции по пользованию машиной.

Машина дала сигнал и остановилась – радости не было конца! Заранее натянутые девять верёвок, ждали первую партию стиранного белья. В глазах у Шуйского, бегавшего от машины к верёвкам, постоянно мелькали стройные фигуры двух бутылок на полке, которые привёз из Прибалтики Егорка.

Вдохновлённый работой этой чудо-машины, Аркадий Петрович решился на трудовой подвиг.

– По-стахановски...! Прямо сейчас и начнём! – Шуйский решился до утра перестирать все мешки с бельём. На график очерёдности заказчиков он уже не обращал внимания и пихал всё подряд.

– Разберёмся! Всё потом! Потом разберёмся! Задача не сложна, второклассник, если ума родитель дал, вполне справится! – бодрый и вдохновлённый он азартно принялся вытряхивать всё из мешков.

Трудовой день пробежал быстро! И он не заметил, как подкралась стахановская ночь! Немецкая трудяга «крутила» Шуйскому деньги, заглатывая килограммами грязные рабочие тряпки, полотенца, простыни и наволочки. Шуйский с карандашом и бумагой, сидел на низкой табуретке и прикидывал доходы, которые будет приносить его кормилица фрау «Constructa» –

первая модель машины-автомат! Выражение лица его менялось каждую минуту, и счастье не сходило до глубокой ночи. Машина сулила неплохие доходы!

– Вот он и повод, Егорка! Сам говорил: «Подвернётся, надо выпить!». Подвернулся, Егорка, вот и опробуем, каково оно из Прибалтики дружеской изделие сие...?

Скрип откручиваемой пробки оглушил Аркадия Петровича, а комната наполнялась сладким ароматом. Машина молчала – на время дегустации он дал ей отдохнуть.

– Что ж, говоришь достояние маленьких народов могучей Державы нашей? Ну-ну...! – и поднёс горло бутылки к носу, глубоко втягивая незнакомый запах содержимого.

Шуйский не шевелился, продолжая лежать на тряпках, а рядом валялись ещё три не раскрытых мешка, набитых под завязку. Он невероятным усилием напрягал больную голову, чтобы вспомнить всё, что произошло этой ночью. Для него становилось непосильной задачей, вспоминать каждый ночной час, и чем час становился позднее, тем труднее было вспомнить его. Сейчас его мучил единственный вопрос – где же вторая бутылка, этого сногшибательного, отшибающего память зелья?

– О-о-о...! Весьма, весьма недурён! – вспомнил свой ночной восторг Шуйский, когда открыл первую бутылку, а потом..., а что было потом...? Ночное кино начало проявляться само собой, как киноплёнка в проявителе, от просмотра которой, лицо Аркадия Петровича скисло за минуту. Он стал погружаться в трудовую сказку стахановской ночи. Вспомнил и, тотчас ощутил, какой был странный, довольно приятный, специфический аромат, невидимым дурманом исходящий из горла эстонской бутылки.

В газах Шуйского ясно проявилась картина, как он взялся за белую, кофейную чашку и налил в неё до краёв, потом сел на табуретку и начал дегустировать, сопровождая громким, словесным анализом выпиваемое заморское зелье. Он вспомнил, как катал во рту первый глоток сладкого, густого и липкого ликёра, повышенной алкогольной мощности. Этикетка на бутылке, выразительно и отчётливо показывала две цифры – 4 и 5. Мощь супер-ликёра в сорок пять градусов, ночью, вызвала у него большое сомнение.

– Быть такого не может! Не верю! Определённо, напиток вкусен, но не боле! Чудится мне, что замешан он на корках апельсиновых, и присутствие ванили имеет место быть, да и корица, видимо, здесь тоже непременно замешана! Могу держать пари, что один из ингредиентов присутствует в этом «киселе!» Но в мощности градуса чухонцы явно здесь перегнули! Его самое время зимой в детские сады подавать для сугрева, когда детишки с прогулки возвращаются.

– Нет! Ну определённо же нет...! Эта партия явно в понедельник выпущена! А может этикетку попутали, не ту наклеили спьяну? И такое бывает... Человеку свойственно ошибаться, как в жизни, так и на разливе – это же неоспоримый факт, житейской практикой доказано веками...!

Когда же бутылка была выпита до дна, он с большим сомнением и даже с каким-то беспокойством смотрел на красивую этикетку и сделал своё окончательное и всё-таки не убеждённое заключение!

– Прибалтийский «кисель» этот несомненно вкусен, не оспариваю! Однако, пригоден он, разве что, для средних широт, а вот в данных условиях климатических, наших условиях к употреблению не целесообразен – градусом не вышел для мужика северного!

Вспомнил, как приподнимался с табуретки, чтобы встать на ноги, но встать получилось только с четвёртого раза. Движения его стали плавными, а ноги начали шаркать по доскам пола, когда нёс стираные тряпки на верёвки развешивать. Уставший стахановец вытряхнул тряпки из двух мешков, не глядя на их номера. Помутившийся глаз его не уследил, какую он сделал в тот час роковую ошибку, когда тряхнул двумя мешками в одну кучу, а мешки были из разных квартир. В утреннем заказе, в первую очередь, и очень срочно, нуждалась квартира номер три!

Шуйский хватал из большой кучи бельё, не разбирая, где чёрное, где белое и пихал в круглое окно машины. Тряхнул прямо из коробки белым порошком, не соблюдая никакой

меры, и нажал «Пуск»! Барабан закрутился, бешено набирая обороты, а вместе с ним загрохотали пришитые пряжки, бляшки, застёжки, молнии, крючки. Вспомнил, как стоя выпил бутылку пива и снова взялся за белую чашку, чтобы продолжить дегустацию. Аркадий Петрович медленно садился, ноги его начали вибрировать в такт своей кормилицы – трясущейся фразе. Барабан машины крутил грязный, плюющийся пеной клубок, а стахановец в синей, мокрой от пота майке, уткнувшись липким лбом в стекло дверцы в золотом ободке, смотрел на сказочный процесс чудо-стирки. Ведь теперь, вместо мыла, в чистых и сухих руках можно держать чашку сладкого напитка, который так легко катается во рту, и, чем дольше его катаешь, тем шире рот открывается, так и просит – «дай ещё глоток покатаать!»

– Бушующая муть стихии, круглое окно, мутная, морская пучина, поглотившая буре-вестников, и эта страшная пасть акулы, вцепившаяся в стекло, пожалуй, и всё... далее пошла сплошная стена тьмы! – Аркадий Петрович, как ни напрягал память, больше ничего не смог вспомнить.

4

Волосы невозможно было оторвать от кучи тряпок, на которых он сейчас лежал. Он начал ощупывать за головой, что его там держит? В руку сразу попала липкая бутылка с остатками ликёра на дне.

– Вот она вторая где спряталась...? – разгадал наконец загадку Шуйский, всё остальное, что было в бутылке, всосало грязное бельё, на котором лежала его голова, с русыми, волнистыми волосами до самых плеч.

Аркадий Петрович занёс обе руки за голову и с большим усилием вытащил из лежащего на боку мешка, плотно свёрнутое в комок, нижнее мужицкое бельё. Уже сидя, он перебрал на грудь приклеенные к волосам тряпки. Зимние, плотные кальсоны и длинная, в полтора метра портянка горняка, хваткой разъярённой бабы, вцепились в ухоженные локоны Аркадия Петровича. Эти тряпки, намертво склеенные с кудрями Шуйского, принадлежали мужу Семёновны, горняку, ветерану-рудокопу, проживавшему в квартире номер три, которые он ждал этим утром!

– Как это ужасно и гадко невероятно..., о Боже! Господи, да за что ты кары мне такие посылаешь? Ты понимаешь, Отче, что меня бить начнут с самого утра! Но грех-то не велик, ведь никого же не убил и не думал, и не помышлял даже...! Господь, с тобой! О... Господи! – Шуйский непроизвольно закрыл рот рукой. – Не обокрал же никого и не собираюсь! Господь с тобой, Го...! Эээ..., чего это я? Боже, что несу я такое...! Ну вразуми ты меня, не обучен родителем я говорить с тобою! Ты не обижайся, ты мне лучше помоги, подскажи, как побоев избежать – народ суровый меня окружает! Я же кому не надо, ночью настирал, а в девять придёт..., и-и-и...! – Шуйский, глянув на часы, сорвался с места и подскочил к железной раковине с краном. Открыл его и услышал зловещее, змеиное шипение! Водопровод и электричество в этом районе, всегда работали с перебоями! Шуйский заметался по комнате, волоча за собою свисающие до пола портянку и кальсоны. Паника охватила его всего! В комнате на стенке, висели на гвоздике небольшие ножницы, и он тут же схватил их и занёс чуть выше правого плеча, где висела грязная портянка, но, неожиданно передумал сжать пальцы.

Сбросив с ног тапки и осторожно приоткрыв дверь, высунул голову – в коридоре никого не было! Он мелкими шажками засеменял в дальний конец коридора, там стояла бочка с водой, на случай пожара. Домчавшись никем не замеченный, с разгона воткнул в бочку голову, лихо радочно работая руками. Он чувствовал, как ледяная вода сводит челюсти, а виски пробивает ноющая, тупая боль. Наконец- то исподнее сурового горняка отвалилось от волос. Шевелюра, которой гордился Аркадий Петрович, была спасена!

Быстро отжав портянку и кальсоны над бочкой, он вытер ими вокруг неё и, стремительно домчавшись в другой конец коридора, громко хлопнул за собою дверь.

Энергично растирая полотенцем волосы, схватился ещё за одно – толстое и махровое, и почти довёл их до сухого состояния. Причесался, сделав лёгкую укладку и сел на кровать. С этого ракурса за мешками хорошо просматривалась пробка нераскрытой бутылки с пивом, глаз его на ней тут же и остановился.

Полегчало! Шуйский, задрал голову, с шумом высасывал последние капли «Жигулёвского», а кошмарная ночь плавно уходила на второй план вместе с охватившей паникой. Аркадий Петрович отодрал от дверцы машины зловещий фартук с изображением зубастого страшилища и закинул порцию белья. Пятнадцать минут назад из медного крана пошёл хороший напор воды. Лампочка на потолке снова забила морзьянку под грохот вибрирующей фразы-автомат «Constructa».

– Молодой, а какой смекалистый, Егорка мой! – подумал Аркадий Петрович. Егор догадался к стиральной машине прикупить и стабилизатор напряжения, без которого она быстро бы

очутилась на свалке. Он вспомнил о коробке с гаванскими сигарами – совсем забыл о которых. Сидя на своей любимой широкой табуретке с подпиленными ножками, Аркадий Петрович откусил мундштук сигары и прикурил от спички, пуская в плавание первый клуб гаванского дыма в этой серой, прокуренной комнате.

5

В дверь постучались!

– Да, да...! Войдите! – громко произнёс Шуйский, как вдруг по спине неожиданно пробежал холодок, внутри всё напряглось, сердце застучало и заколотило по рёбрам. Он посмотрел на часы, стрелки показывали начало десятого!

– Ну как же она не кстати, ну совершенно не вовремя и не забыла ведь? – кто сейчас войдёт, он уже знал! Дверь открылась, и в проём начала протискиваться огромная баба-айсберг. Это была Семёновна – женщина небывалых габаритов, такие как она, на холодном Севере, редко дорастают до таких размеров.

Не поднимаясь с табуретки, что было абсолютно не свойственно его воспитанию в присутствии дам, Аркадий Петрович уставился глазами в пол, медленно двигая ими к дверям, и остановился на тапочках вошедшей. Эти тапочки, скорее всего, нельзя было назвать тапочками, так как они имели размер, далеко за сороковой, и отличались от мужских лишь пришитыми красными шерстяными-шарами.

Это была типичная фигура японского борца – древней, японской борьбы «Сумо!» Круглое со всех сторон тело с круглой головой и чёрными волосами, зачёсанными назад и туго собранными в узел-ватрушку, просто впечатляли! С её появлением, возникло острое ощущение тесноты и нехватки кислорода. Она стояла у двери в застиранном, старом платье с короткими, надрезанными рукавами, которые плотно облегли её толстые руки. На шее висел лёгкий, кухонный передник с большим карманом посередине, из которого торчала рабочая тряпка, видимо, только что отжата. Запах жареного мяса и лука быстро долетел до носа Шуйского.

– «Картошку тушёную готовила с мясом! Вероятность большая, что угадал, по этой части, дай бог каждому так...!» – глотая слюни, Аркадий Петрович угадал верно – она, действительно, полчаса назад выключила примус, с приготовленной тушёной картошкой и мясом. Волчий голод и страх, все разом, вселялись в ещё не совсем протрезвевшего стахановца!

– Ну здравствуй, что ль, Петрович..., Аркадий! – низким, негромким голосом поздоровалась Семёновна. Аркадий Петрович переместил глаза от шариков на тапках, на её шерстяные носки, потом на чулки, прошёлся по переднику и, наконец, уставился в её круглое лицо. Лицо её не выражало абсолютно ничего!

«Вот оно, то самое...! Вот это страшно, когда ничего не читается на лице, как у медведя – никогда не определишь, что он сейчас замышляет? Боже, расшифруй, читай..., что в них – в глазах её затаилось? Дай скоренько сигнал, шепни что делать мне...? Тебе же ничего не стоит..., ты букашку любую, клопа прочтёшь! А я вижу в этих глазах, что мне – „хана!“ Подскажи же, пока с места она не сдвинулась.» Наверху молчали, никто не шепнул ему в ухо!

«Ну как же я так, ну почему не подумал, ну почему с утра сценку дешёвую не придумал, легенду какую? Врасплох же взяла, голенького! Ой..ёй... ёй..., и даже бутылки не спрятал! Ну всё...!» – его уже трясло, пока ещё только изнутри.

«Сочиняй...! Думай же, думай Шуйский, шкуру спасай, соломину ищи, иначе...! Всё... – нету времени! Больше текста давай..., только не молчи!»

– И Вам, дня доброго желаю, уважаемая Аграфена Семёновна! – в широкой улыбке, не скрывая «радости» от встречи, громко произнёс Аркадий Петрович. Он встал, выпрямился и глухо щёлкнул босыми пятками, производя резкий кивок головы, в общем по-гусарски, как и положено в общении с дамами! Продолжая широко улыбаться, изящным движением головы закинул высохшие волосы назад и, приложив узкие ладони к вискам, протянул ими по волосам к затылку.

– Не правда ли, какая замечательная погода, Аграфена Семёновна? А каков блин аппетитный воон там..., на горизонте, за окном! Право, восхитительно прямо, скажу Вам! Ско-

рее бы «Масленица», я, непременно, научусь к масленице жарить их и первый же блин Вам и, естественно, с икоркой красной! – он тихо засмеялся, издавая приятный и мягкий грудной звук, выразив этим самым, взаимное утреннее приветствие и большое уважение к Аграфене Семёновне.

Левым глазом Шуйский косил в окно на круглый диск Солнца, а правым не терял из поля зрения Семёновну. Каменное, с отрешённым взглядом лицо её, холодными, стеклянными глазами смотрело на трясущуюся немецкую невидаль.

«Может эта чудо-машина потрясёт её, и она расслабится...?» – Шуйский ловил на её лице каждое малейшее изменение. Но напрасно – каменное лицо отвернулось от чудо-машины, глаза её начали неторопливо гулять по полу, споткнулись о лежащие бутылки, пошарили по разбросанному белью и остановились. Семёновна и Шуйский, будто сговорившись, смотрели в одну точку – в плотно набитый не развязанный мешок под номером три! По её лицу без ошибки можно было определить, что она узнала исподнее своего мужа – чёрные портянки и две пары кальсон валялись рядом. Семёновна шумно втянула носом воздух и направила взор в то место, где две минуты назад сидел Шуйский. Возле подпиленной толстой ножки табуретки, из стеклянной пепельницы торчала гаванская сигара, напоминающая чугунный ствол только что выстрелившей пушки и коптила, словно паровоз углём.

Шуйский смотрел на безмолвную Семёновну и почувствовал, как страх и тревога, словно крепкий мороз, начали сковывать его тело. Ему стало вдруг холодно в одной майке, а рубаху он так и не нашёл до прихода суровой соседки.

6

Больше всего он боялся её молчания. Она слова ни проронила, как перешагнула его порог, разве что, как-то невежливо, не по-женски поздоровалась. Сейчас он всерьёз почувствовал от неё исходящую угрозу.

«Физически, я думаю, смогу противостоять ей, но не более минуты, ну а дальше-то, что...? Если же она двинется в мою сторону, а сложившаяся ситуация обернётся физическим соприкосновением, то я вскоре окажусь под необъятным телом её, которое явно тяжелее моего в два раза – это факт! И чего дальше ожидать...? А дальше, Аркадий Петрович, ты лепёшка, если она вдруг начнёт тереться о тебя. И хана тебе, артисту, так славно начавшему путь в великое искусство!»

В одуревшую голову после ночной стирки не лез никакой план спасения. Было нестерпимое желание тотчас применить таран – прямо в дверь. Но на пути стояла она! А её таким тараном или насмешешь, или разозлишь. Пауза долгого молчания с обеих сторон затянулась, и Шуйскому ничего не оставалось, как тут же заговорить. Говорить без умолку, нести всякую ересь, но только говорить и говорить...! И он понёс, что только в голову лезло, в эту страшную минуту.

– А распирает-то как, Аграфена Семёновна! Радость, радость необыкновенная грудь так и распирает, так и распирает...! Как чудно устроена Вселенная, и не менее чуден в ней и человек – существо довольно высокого разума, замешанное словно тесто на сложнейших субстанциях, формула которого выведена величайшим и недостижимым, единственным и совершенным разумом, обладателем миллиардов галактик, собранных воедино, и имя владыки этого галактического бесконечного богатства – Всевышний наш! А как великолепно созданы мы с вами— целовеки! Именно так, Аграфена Семёновна! Ибо он, то бишь человек, способен в этой вечной мерзлоте, где мы с Вами пребываем сейчас, отковырять, нет-нет, не кость, как собака в помойной яме, а дарёные Господом нашим, разум нам и приросшие к нему эмоции! Собаке эмоции не присущи, её эмоции – это кость, обглоданная человеком, и вся радость в ней и только, в кости этой. Для нас же с Вами, присутствующие эти самые эмоции, это торжество радости, в той или иной интерпретации, смысл которых мы выражаем на своих лицах, в движениях своих и в выражениях, обратно как, и горе наше человеческое. Вот Вы стоите, а эмоциональный мускул лица Вашего, прямо скажу Вам – недоразвит! Он синхронен с застылой неподвижностью Вашей, что совершенно мне не понятен застой этих членов Ваших и, даже, тревожит отчасти...? В отличии от Вас, индивидуальность моего характера склонна торжествовать малейшие перемены происходящего...! Вот осмелитесь, да и бросьте свой взгляд в окошко, улыбнитесь, и Вам захочется прыгать, поверьте, Вы, как и я, не лишены их! Эмоции – это тонкое восприятие пробуждающейся природы, которое сейчас наглядно демонстрирует вот этот гигантский блин, то бишь ярило наше небесное! Собственно говоря, я имею ввиду конечно же Солнце наше родимое, мурманское! Вот оно, день за днём – всё выше, выше и выше...! Право, я бы Вам вот сию же минуту, вот на этом самом ме..., – Шуйского прервал громкий сигнал машины и какое-то непонятное и резкое слово, прилетевшее от дверей. Он расслышал только окончание его – «...ткнись!». Аграфена Семёновна одним словом заткнула шумную машину и рот хозяина.

– Как же ж ты зассал мне глаза, прохвост эдакий! —только сейчас, услышал Аркадий Петрович сильный, властный голос «немой» соседки. Первые же слова поразили его тональностью женской речи. То, что она произнесла, никак не укладывалось в его голове, ведь их же произнесла сама женщина! Но это было только начало, теперь настала очередь говорить Аграфене Семёновне. И она заговорила!

– Ша ты у меня заговоришь по-другому! Сюда смотри, а не в окно на блинное ярило своё. В глаза, в глаза мне...! Пудель косматый, кобель длиннолоконный!

– Ну почему же сразу кобель...? – перебил её Шуйский. – Извините, я не привык так, да я и не достоин по воспитанию своему званий таких и, тем более, оскорбл...

– Захлопни губы, морда...! – голос её был угрожающ. Эти слова, хотя и крепко задели самолюбие Шуйского, но команду он исполнил тут же, мгновенно закрыв рот. Не слыханные никогда в его адрес такие оскорбления, коликами заиграли в животе, как при расстройстве желудка, а выпученные, изумлённые глаза, уставились на Семёновну.

– А теперь ответь-ка, милоч, вот зачем тебе наперёд я деньги дала, зачем поднесла тебе..., да ещё с огурчиком зелёным? – и она рывкнула так, что Шуйский почувствовал неизбежность тарана, что надо прорваться к дверям и стрелой нестись по коридору в туалет, если успеет. Его удержало от прорыва то, что немолодая уже Семёновна взяла вдруг паузу, чтобы перевести дух и сделала шаг назад. Не двигаясь с места, будто наперёд зная, что замышляет этот заселившейся проходимец, она с новой негодующей силой обрушилась на бледного Аркадия Петровича.

– А знаешь ли ты паршивец кудлатый, что я мужа своего сегодня в своих рейтузах на работу отправила, руду добывать, ковырять землю благословенну нашу? А сама я не вышла – не в чем, последние сняла...! Он бедный маетси поди, на стуже-то! Да тебе и не поняти, ты с голой жопой не ходил, и откуда ты только взялся? А я то, дура, Аркашенькой тебя ещё вчера звала, лаской надела, рюмашку налила. Да я в жисть мужа свою, лаской такой не крыла! Я ведь слов слюнявых не люблю, я другим словам обучена...! Ты их щас услышишь, ты у меня щас и глухим и немым станешь враз! Стоять...! Не то на пол положу! – ей вдруг показалось, что Шуйский собрался бежать к дверям. На самом же деле, Аркадия Петровича просто трясло от холода, несмотря на то, что в комнате было довольно жарко. – А теперь докладывай мне, ударник коммунистического труда, где мой заказ, который ты вчера божился к семи утра принести? Я по мягкотелости своей не стала дверь твою ломать, думаю, пусть поспит ещё малость, умаялся за ночь-то, поди! – Семёновна совсем не шутила, глаза её, полные обиды злобно смотрели на молча стоящего Шуйского. Его опущенная голова, белые плечи и руки, плетьюми висающие, создали правдивый образ просящего пощады.

– Тебя сразу бить начать, иль оправдание какое нашёл, шельмец эдакий? – низким голосом произнесла Аграфена Семёновна.

Только многолетний опыт игры на сцене, помог Аркадию Петровичу продержаться все эти минуты и остаться ещё не битым. Эти ужасные для него грозные минуты, дали хорошую встряску и покололи всё его тело. Он уже начал что-то набрасывать в виде плана для своего спасения.

«Соберись, актёр! Главное – это правильно начать! Необходимо найти короткий путь, пока бока не намяла, и, с полной реализма игрою, осторожно идти по тонким нитям души этой властной и суровой женщины. Ведь они же есть, эти нити! Они у каждой женщины есть, потому, что такого не может быть, чтобы их не было? По природе не может быть, тем более у женщины! Вот только с чего начать...? Если жить хочется – тогда на сцену и немедля, прямо сейчас! Ну, а дальше-то, что...? А дальше уж как пойдёт, больше реализма и без комедии только – она погубит тебя! На сцену давай лезь и нужную фактуру морде придай, про слезу, про слезу не забудь!» – усилием воли, Шуйский начал выходить из создавшегося угрожающего положения. Он сосредоточился и поднял полные тревоги, смятения и боли глаза!

7

– Видите ли, уважаемая Аграфена Семёновна, только прошу Вас выслушать меня и очень внимательно..., очень прошу! И тогда Вы поймёте меня, как человека, поймёте, как женщина и как мать в конце-то концов...! – не сдержавшись, голос Шуйского выплюнул высокую ноту раздражения и оскорблённого самолюбия. Семёновна медленно сделала шаг от двери.

– Тебя как, прям щас в машину засунуть барабаны крутить? Бельчонок лохматый! Скалишься, щенок...!

– Тпрруу...! – губы его задрезжали и забрызгали слюной. Он слышал о соседке, что слово держать она умеет и исполняет его добросовестно! Семёновна, вроде как, среагировала на лошадиную команду и остановилась. Шуйский ловил каждое движение её рта и, как ему показалось, говорить ещё она не собиралась.

Воспользовавшись паузой, он кинулся к тазику – в нём лежало не развешанное бельё! Вывалив его на пол, он вытащил злополучный фартук с наклеенной белой акулой. Как первомайский транспарант, Аркадий Петрович держал перед собою страшное изображение на нём! Не давая открыть рот Семёновне, он громко заговорил:

– Вам будет трудно представить, Аграфена Семёновна, какой со мною ужасный случай приключился этой ночью. Это была ночь кошмаров, уж поверьте мне! Клянусь Вам всеми-всеми...! – Семёновна пока ещё молчала, разглядывая свой фартук.

– С Вашего позволения, я сяду, и Вы, будьте так любезны, присаживайтесь, в ногах ведь правды нет. Не так ли? – он бросился в угол комнаты, раскидал в стороны мешки и вытащил, крепко сбитую, армейскую табуретку. Открыто стоящий у стола единственный стул, он не рискнул предложить.

– Ну, с позволения Вашего, я таки присяду, а...? – он кивнул головой в сторону своей табуретки, с короткими ногами.

– Садись, правды в ногах твоих не найдёшь. Так и быть, послушаю тебя с твоей табуретки! Но учти, с тобой я шутить не стану, огорчение ты мне нанёс, душу уязвил, срамник болтливый, – пригрозила Семёновна и долго устраивалась на тяжёлой табуретке.

– А фартук мой чего в руках держал, будто тарадор с тряпкой красной? Я чё, бык тебе? Это у вас рога растут, а я безрогая, я больше копытом! Гляди, наврёшь, лежать долго будешь и показала большой, круглый кулак.

– Какая ночь, какая ужасная ночь...! – глянув на пухлый, внушительный кулак, громко прошептал Шуйский, осторожно придвинул к стене табуретку, взял со стола пепельницу и сел.

– Ужасаться будешь потом, Аркашка! Говорить начинай, а то я чувю, что у меня приступ нетерпения закипает!

– Ну что ж, извольте Аграфена Семёновна! – Аркадий Петрович закинул ногу на ногу, прижался спиной к стене, сунул в рот потухшую сигару и долго прикуривал. Клуб дыма, а за ним выпущенное кольцо плавно поплыли к дверям, прямо на голову Семёновны.

Шуйский закрыл глаза на несколько секунд и сосредоточился на придуманном на спех образе – процесс перевоплощения начался!

«На выход актёр, время не ждёт, если жизнью дорожишь!» – он медленно открывал печальные, наполненные слезами глаза, которые вот-вот скинут слезу, а то и две.

– Эта трагическая история, Аграфена Семёновна, преследует меня всю жизнь, а случилось это очень, очень давно. На берегу Чёрного моря у нас был домик, очень маленький домик. Я ведь, уважаемая Аграфена Семёновна, родился в Одессе, в этой каштановой красавице! Вы не представляете, какой это город, а море...! Чёрное море моё...! Как романтично поёт о нём наш Утёсов! Это море, свидетель невероятных исторических событий, процессов, ужасных

и величавых, которые до сих пор воспевают наши поэты, писатели и композиторы. Да что тебе говорить... тебе же всё до фе...., – и тут Шуйский чуть было открыто не зажал себе рот пятернёй.

– Как же я так! Э-э-э! – он посмотрел на Семёновну, – кажется не дошло, выдохнул взволнованный Шуйский! Семёновна крикнула и заёрзала на табуретке, деревянные, толстые ножки заскрипели – Шуйский успел опередить её.

– Извольте не гневаться, что утомил вступительной частью, иначе история эта не будет иметь под собою подоплеку, и я перехожу к главному и самому ужасному! – пыхнув сигарой, он понял, что вступительная часть исчерпана! Настал переход к главной части трагедии и её действующим лицам.

– Я, худенький мальчик двенадцати лет, рождённый на морском берегу под колыбель плещущихся волн Чёрного моря, до последнего вздоха, отведённого мне Господом нашим, не забуду зрелища, более чем ужасного и неподвластного воображению человеческому! – тут он сделал паузу и глубоко втянул дым от сигары, подавился и очень громко и долго раскашливался. Этому времени хватило, чтобы дальше продумать и продвинуть ужасный сценарий трагического повествования. До чего же это трудно, захлёбываясь в кашле, неимоверно напрягая мозг, выдумывать на ходу! И всего лишь для одного зрителя, который не хочет тебе верить. А его надо заставить поверить, так учил великий Станиславский!

Семёновна молча приподняла левую половину могучей задницы, потом правую.

«Засиделась, но долго, думаю молчать не будет, как бы не испортила всё? Тогда точно – хана мне! Пора, пожалуй, кульминацию трагедии подавать, только бы поверила, только бы поверила!» – заволновался Шуйский. Семёновна устала сидеть на сидящего Аркадия Петровича, который откашлялся и принял позу расслабившегося, независимого аристократа. Посмотрев на неё, Шуйский быстро сообразил, что ей не нравится, как он сидит и тут же сменил позу. Момент кульминации настал!

– И вот однажды, в жаркий летний день, к нам приехал погостить на недельку мой дядя. Мы часами не выходили из моря, а потом загорали. Дядя за неделю хорошо загорел и был счастлив, что стал как бронза. Он плавал как-то по-особому, потому что был очень толстым и круглым, вроде рыбацкого поплавка. Эта чудовищная трагедия случилась за день до отъезда дядюшки. Я помню, как в этот день мы заплыли очень далеко. В свои двенадцать, я плавал как дельфин! Вот мне бы жабры, Аграфена Семёновна, да я бы со дна морского не поднимался, до чего же оно великолепно, таинственно и полно нераскрытых загадок, таинств! Это великолепно, уважаемая Аграфена Семёновна, ни какими словами невозможно обрисовать и описать, потому как оно не доступно и, смело могу сказать, не доступно даже лучшим поэтам мира – оно им просто не под силу! Вот оно, великолепие-то какое на дне морском бывает, уважаемая Аграфена Семёновна!

Шуйский глубоко затянулся и стал медленно выпускать дым. Глаза его начали округляться, а рука неожиданно схватила полную серого пепла пепельницу, и Шуйский дал старт – его понесло! Страшной силы удар обрушился стеклянной пепельницей по столу! Он уже стоял в полный рост и орал во всю глотку!

– Ягодица, левая ягодица...! Моего дяди, ягодица левая! Боже ты мой, ой-ой-ой...! Хрясь, и нет полбатона! – он бросил на пол дымящий обрубок сигары и заорал с ещё большей силой, раскинув широко руки с растопыренными пальцами.

– Замолчь...! – зычный окрик долетел до ушей орущего, – ты чего мелешь..., дряни обкурился от кадила своего дымящегося? – Семёновна кивком указывала на окурок сигары, подала тело вперёд и упёрлась руками в колени.

– Отнюдь...! – Шуйский протянул в сторону Семёновны правую руку и стал водить указательным пальцем. – Отнюдь...! – слова угрозы Семёновны уже влетели в его уши, и он насто- рожился!

– Ты про что это...? Про какие, такие ягоды..., птьфу-у..., – она плюнула и так далеко, что плевок накрыл мешок заказчика, стоящий в трёх метрах от дверей.

– Толком мне плети историю свою, чтоб слов не нашенских не пхал мне в уши, не то..., – и она снова пригрозила сжатым кулаком! И не ори мне здесь, ишь, кадык его разлаялся!

– Извольте! – Шуйский начал захлёбываться от скорострельности собственных слов, он уже был там, в тёплых волнах Чёрного моря.

– Мы не спеша гребли руками и разговаривали, вдруг, впереди на гребне волны, появился огромный плавник, исчез на какое-то время, и вновь вылез, совсем рядом.

– Да это дельфин резвится! – сказал спокойно дядя, и продолжил грести.

– Нет! Я всё-таки нырну и посмотрю, кто к нам плывёт. – сказал я дяде и скрылся под водой.

– Боже ж ты мой...! – закричал Шуйский, но Семёновна на этот раз не остановила его, дала волю проораться – её насторожило продолжение этого рассказа!

– Это была белая акула! Мы внезапно встретились глазами. Она, эта белая скотина улыбалась! Вы представляете, эта тварь умеет смеяться! Она смеялась мне в лицо, её треугольные в два ряда зубы сверкали! Мне казалось, что она специально надраила их зубным порошком, перед свиданием с нами.

– Как это ужасно, ужасно как...! – снова орал Шуйский. Семёновну всю передёрнуло, но она промолчала, ожидая продолжения страшного повествования.

– Когда её пасть оказалась у моей головы, я дельфином ушёл под её брюхо, и она с разгона врезалась.... О-о-о... Господи! – Шуйский метался возле своей стенки: приседал, поднимался, изгибался и грёб руками по прокуренной комнате. Он был снова там, в водовороте морского ада! Голос его дрожал, выпученные глаза с расширенными зрачками были страшны, а с трясущегося подбородка каплями стекал пот.

– Дайте сделать вздох..., прошу одну минуту, чтобы я помолчал! Ах, как мне необходим воздух, грудь моя просит его, иначе я не способен излить до конца эту чудовищную, нелепую историю! – и он тихо присел на свою табуретку. Семёновна не проронила ни одного слова, она, как показалось Аркадию Петровичу, уже была под глубоким впечатлением! Прошла минута и не одна...!

8

Шуйский сидел на своей низкой табуретке, упёршись локтями в колени, а руками закрывал мокрое лицо, сквозь пальцы наблюдая за Семёновной.

«Чего же дальше-то играть, и как...?» – суетились мысли в его голове. «Я, дядя со своей ягодицей и акула! Направление кажется правильное взял, зритель сидит тихо пока, не ропщет – ждёт финала! И всё же для пушей остроты, необходимо от дяди ещё чего отнять! Голову...! Нет – это слишком жестоко, да и человек она не молодой, женщина к тому же! Так! Промедление – смерти подобно! Сжимайся и давай продолжай, и глаза не забудь выкатить. Занавес...!»

Семёновна снова заёрзала на табуретке. Когда Шуйский открыл лицо, оно было полно скорби! Веко правого глаза его дёргалось (он профессионально умел заставлять его дрожать в нужный момент). Ожидая продолжения этой жути, Семёновна увидела, как лицо рассказчика напряглось и начало краснеть, Шуйский снова заорал, яростно выпуская очередями поток жутких слов!

– Вы высказали желание говорить с Вами понятными Вам словами! Ну что ж, извольте! Пусть мне будет стыдно, но я скажу, я всё скажу, чтобы Вам было понятно всё...! Вы представьте себе, если Вы только способны представить, уважаемая..., эх, да что там! – и Шуйский заорал, что было мочи. – Жопы... нету-у-у...! Дядиной половины жопы, и нету...! Она в пасти этого чудовища! И это в считанные-то секунды, а жопы, и нету! От увиденного, мои длинные волосы поднялись дыбом и скрутились во множество жгутов, как у мифической Горгоны! – он глубоко выдохнул и сделал короткую паузу.

– Я не могу до сих пор осознать, какая же сила помогла не отключится моему сознанию в окровавленной всюду воде? – и охрипшая глотка его, снова заголосила.

– Её нет...! Эта хищная тварь проглотила её, пол—жопы дяди моего.... Увы! Это же так больно и печально – вдруг совсем тихо произнёс Шуйский, и тут же последовал вновь отчаянный вопль гнева. – Ну да ладно, Бог с ней, с этой половиной – вторая же осталась! Но нога! Ну зачем ей нога...? Хрясь... и нет ноги, я слышал этот ужасный хруст костей – прямо по самое колено. Я видел, как нога дяди, напрочь откусанная, погружается в морскую пучину. Неведомая сила, удерживающая моё детское тельце на плаву, заставила меня глубже погрузится и схватить исчезающую в окровавленной мути волосатую ходулю бедного моего дядюшки. – Шуйский говорил тише и тише, и вскоре перешёл на шёпот.

– В моём худеньком организме иссяк последний глоток воздуха, и я, теряя сознание, всё же сумел вытолкнуть голову из воды на поверхность, и сделать спасительный глоток, не выпуская при этом тяжёлую ногу. Как это ужасно..., Боже, как ужасно, ужасно...! – он неожиданно смолк, опустил голову и зашмыгал громко носом.

– Я сейчас завершаю, Аграфена Семёновна, наберитесь чуть терпения! – шёпотом произнёс усталый Аркадий Петрович. Наступила минутная пауза совершенной тишины. И вновь, хриплый рёв прервал её! Рот Шуйского ежесекундно менял калибр, он складывался в трубочку, в куриную гузку и расширялся до страшных размеров квадратного рта Щелкунчика, который смог бы замахнуться даже на кокосовый орех! Одуревшая, с округлыми глазами Семёновна, не моргая, смотрела на бьющего в пустоту руками и ногами, теряющего последние силы, очумевшего рассказчика.

– Я поплыл к далёкому берегу, я отчаянно бил одной рукой и ногами по воде, в другой руке я держал дядину ногу. Я до сих пор задаю себе единственный вопрос – ну почему я тащил эту ногу за собою...? И вот только сейчас, когда рассказываю Вам чудовищную трагедию, я нашёл наконец-то ответ! Во мне, в этом худеньком мальчике, сработал инстинкт самосохранения, заложенный природой, как у всех живых существ, пусть даже самых примитивных, но он есть...! Вон оно как! Инстинкт, Аграфена Семёновна, да, именно инстинкт!

Окажись я с моими то мозгами зрелого и, отнюдь, не глупого мужчины на месте этого малыша тогда, я бы прихватил и вторую половину дядиной ж... – Шуйский запнулся, и уже как-то растерянно довершал свой логический аргумент. – Инстинкт самосохранения, Аграфена Семёновна, это вам не копытом в морду, он до секир-башка доводит обречённого, даже самого слабого существа! Я воздуха из форточки всосу, Аграфена Семёновна, умаялся я! Я быстро, три затяжки...! – не дождавшись разрешения, он встал на табуретку и широко открыл обледенелую форточку узкого окна.

«Что ж ты лепишь, дурень..., выдохся что ли? На сцене по три часа бывало, и ни одного сбоя у тебя не случилось. Боже, как же я быстро форму актёра теряю: ни распевок, ни репетиций, ни общений. Она молчит. И что, поверила? Не могу сказать. Сложный, не просматриваемый зритель..., броня! Завершай же скорее, уже немного текста, и грош тебе цена, если будешь раздавленным её телом, артист!» – он вдохнул ещё глоток морозного воздуха и закрыл плотно форточку.

Семёновна молча скрипела табуреткой, и Шуйскому почему-то показалось, что она с маленьким Аркашей тоже барахтается в горячих, окровавленных волнах Чёрного моря. Лицо её было совершенно другим, абсолютно не таким, с каким она вошла в его прачечную комнату! Это, как-то успокоило его.

– Грёб я, наверно с минуту, а когда оглянулся, огромный акулий плавник уже был рядом! И снова я ушёл с головой под воду! Окровавленная пасть нагло улыбалась прямо мне в лицо! Мои руки, и будто совсем даже не мои, они просто меня не спрашивали, они сами по себе засунули в эту страшную пасть дядину ногу! – После этих сказанных слов, Шуйский издал протяжный стон и вытер со лба пот, ему снова стало не хватать воздуха!

– Акула сжала запиханную ногу, отвернулась от меня и стала задом! А через секунду раздался глухой, бурлящий звук. Это был кашель – она ею подавилась! – Шуйский издал истеричный, нервный смех. – Представляете, из всех её щелей и отверстий, которые имеет эта тварь, выходили непрерывным потоком пузыри. И что характерно, разного размера, словно мыльные пузыри, которые вы в детстве, вероятно, тоже имели такую шалость – пускать их в атмосферу! Кашель акулы – это редкое явление данных особей, но мне, как видите представился тот самый редкий случай, стать свидетелем именно этого редчайшего явления – тварь, давящаяся человеческой плотью! – Шуйский закрыл лицо руками и зарыдал. Нащупав ногою табуретку, он рухнул на неё и заголосил ещё жалостливей, выпуская, как и его акула, из всех щелей и дыр слёзы, пузыри и сопли!

9

– Вот она! – Шуйский, придя чуть в себя от истеричного плача, тыкал указательным пальцем в фартук лежащий на полу. На лице его, после страшного повествования и длительного рыдания было всё: радость спасения, горечь утраты родственника и результат вылитых эмоций в виде слёз, соплей и слюней!

– Вот, да-да, та самая! Она сегодня ночью, в безобразной позе бросилась на меня, прямо в моё лицо, прямо на иллюминатор, и прилипла к этому стеклу, а потом стала грызть его! Это было ужасно! Я навзничь упал с табурета и лишился сознания. Боле того, я до сих пор ощущаю себя на морском дне, мне не хватает воздуха, я вновь задыхаюсь! – он весь съёжился, подобрал босые ноги, прижался к стене и снова зарыдал.

Табуретка у дверей, на которой сидела Семёновна, страшно заскрипела и начала сдвигаться с места – она вставала! Шуйский насторожился, но оставался сидеть, не меняя позы и съёженным! Она подошла к вороху тряпья, без труда нашла мужнину портянку и крепко, по-богатырски, высморкалась в неё. Шуйский замер, их разделяли каких-то три шага!

Семёновна подошла вплотную к его низкой табуретке. Аркадий Петрович правой рукою прикрыл лицо и, что есть силы, вжался в стену в ожидании сильных побоев – он чувствовал, что приёмами наказания в виде лёгкой трёпки, такие бабы не владеют!

– А ведь я бить тебя пришла! – услышал Шуйский не бас Семёновны, как ожидал, а глухой, и вовсе не угрожающий голос. Она схватила его за обе руки и одним рывком отлепила от стены. Когда он, абсолютно растерянный, стоял на ногах, Семёновна, не выпуская его рук, дёрнула ещё раз на себя. Отклеенный от стены, теперь Аркадий Петрович накрепко приклеился к могучему телу Аграфены Семёновны!

Голова его лежала на её широкой груди, а руки сдавили его тело так, как борец вольного стиля прижимает своего поверженного противника к полу, не давая возможности вздохнуть. Шуйский почувствовал головокружение, кровь не поступала в голову, глаза вот-вот полезут из орбит, и вздохнуть полной грудью не было никакой возможности.

«Вот это сила удава! Что ж она задумала делать дальше со мною? Ещё минута и я скончаюсь, я даже орать не могу!» – промелькнуло у него в помутившемся сознании.

Но орать не пришлось, орала, заливая обильными слезами голову Шуйского, Аграфена Семёновна! Ослабив хватку рук, она нежно, по-матерински прижимала к пышной груди трясущуюся голову только что исповедовавшегося Аркадия Петровича, жадно хватающего ртом воздух!

– Аркашенька-а! Да где ж ты побывал-то, сердешный ты мой-то-о...? Эта ж ребёночком-то в морском аде-то, на откусанные жопы, та ноги насмотрелси-то! Да где ж это видано, да как же тебя угораздило-то? Это же с умишком свёхнутым-то, всю жизнь проживать-то полагается? Я на свёхнутых-то насмотреласи в войну, когда землю Мурманскую защищала, санитаркою была, обрубков человечьих навидаласи. Бог уберёт меня – разума не лишил, но может самую малость какую! Аркашенька-а..., мальчонок ты мой, уберёт, уберёт знать, Господь-то наш, тебя! С головушкой у тебя всё в порядке милок, как складно про ад морской сказывал, свехнёному умом, таких страстей нипочём не наговорить, нипочём! Наслушалась я их бредней в госпиталях. А тебя, касатик, уберёт Господь, не лишил ума, спас мальчонку! – и Семёновна завывала крепче прежнего, заливая мокрые волосы Аркашеньки горячими слезами!

Аграфену Семёновну сейчас можно было понять! Возможно по складу характера своего, она за многие годы не пролила ни единой слезы, но сегодняшней рассказ, как ей казалось, непутёвого соседа, изменил о нём мнение, и взорвал в ней притупившиеся чувства жалости, сострадания и материнскую любовь, которые она обрушила от всей души на совершенно чужого и взрослого мужика!

Зато «фигуру» Шуйского, плотно прижавшуюся к вопящей Аграфене Семёновне, понять было невозможно. На полголовы ниже рыдающей соседки, Аркадий Петрович, уткнувшись носом между грудями, заливал её старенькое платье жгучими струями неиссякаемых слёз. И откуда они только брались, сколько он их пролил, за время изложения своего страшного повествования, а они всё текли?

Шуйский судорожно трясся от рыданий, изредка подвывая Семёновне, которая чувствуя обессиленное тельце Аркашеньки, каждый раз взрывалась громогласным причитанием и, не давая упасть ему на пол, крепче прижимала к себе.

Может со слезами лилось пиво, водка и супер-ликёр? Но остановить не управляемый поток свой Шуйский не мог! Ему было жалко самого себя, он искренне поверил в историю, которую рассказал грозной Семёновне и вот результат его игры, целая лужа слёз! Одного хотел Аркадий Петрович: чтобы там, на небесах, эту сцену не увидела его бабушка, как сыграл её Аркашенька. Сыграл хорошо, слов нет, только вот кого сыграл...? А зритель поверил в несуществующий домик у Чёрного моря, в дядю, которого никогда не было у него, да и сам Аркашенька плавал как-то по-особому, по-«собачьи», так и не научившись другому стилю.

10

Они продолжали стоять, прижавшись друг к другу в полной тишине, и только шмыганье носов нарушало эту тишину.

– Пойдём милочек...! Пойдём Аркашенька, я тебе личико умою, накормлю, рюмашку поднесу! – Семёновна воспалёнными, мокрыми глазами смотрела на такие же воспалённые от слёз, серые, несчастные глаза Аркадия Петровича.

– Сколько ж на твоём личике страданий-то повылазило, горемычный мой! Пойдём помаленьку, у меня картошечка на мясе тушёная, огурчиком солёным закусишь, ноженьки смотрю твои трясутся, совсем не держуть, сердешный ты мой!

Шуйский действительно после проведённого спектакля был неузнаваем! Далеко не каждый профессиональный актёр, даже с большим стажем, смог бы выдавить из себя столько воды, сколько выдал с утра Шуйский!

В сложной сложившейся обстановке, чтобы не быть побитым, внутренний резервуар Шуйского, заполненный жидкой продукцией из стеклянной тары, валяющейся на полу, сыграли ту самую важную роль – спасение человека! И надо отдать должное, что он не открыл кран этого резервуара раньше времени, иначе, не хватило бы воды на весь спектакль, и конец был бы не предсказуем...!

– Огурчиком, огурчиком закуси, милоч! – Шуйский сидел за столом и, после принятой рюмки, уплетал ароматную, тушёную картошку с мясом. Всё, что повылазило на его лице, было смыто тёплой водой, а мокрая от слёз и пота майка, просушена горячим утюгом. Однако, уплетая картошку, душа Аркадия Петровича сторала от стыда, и до боли скребли кошки его совесть. От четвертой налитой рюмки он категорически отказался!

«Надо завершать спектакль и как можно скорее! Не дай бог опять понесёт, кто меня остановит...? Господи, что ж за день такой – отвратительное начало! Необходимо что-то сказать хозяйке: от соплей отмыла, причесала, за стол усадила, налила, угостила...! Ты чудовище, скотина игровая, сволочь, сволочь, сволочь...! Да тебе бы зубы повышибать – да сам не сумею!» – Шуйский бичевал себя, ему хотелось прямо за столом орать во всю мочь, покрывая себя последними словами, но он только нервно играл желваками.

– У Вас в душе дорогой бриллиант заложен, и светит он только добром, уважаемая Аграфена Семёновна! – сказал искренне, без актёрской игры, от души.

Семёновна мыла в тазике посуду и думала о чём-то, наверно о своём. Он смотрел с большим уважением на суровое, познавшее лихо, горести и беды лицо. Годы её говорили о скором выходе на пенсию. Аркадий Петрович пробежался глазами по стене, на ней висели трудовые, почётные грамоты, фотокарточки в рамках и часы с кукушкой и гирьками. Две кровати, круглый стол, с четырьмя стульями, шкаф со встроенным зеркалом и комод завершали весь интерьер маленькой комнаты.

– Спасибо Вам большое-большое, Аграфена Семёновна! Я сейчас же возьмусь за Ваш заказ, и занесу сам, – вставая из-за стола, произнёс Аркадий Петрович.

– Отдохни, милоч! А бельё моё, к завтраму сделаешь, отдохни! Я баба терпеливая, вся жизнь так и прошла: ждать и терпеть, терпеть да ждать! Привычно стало, а ты не суетись...! – вздохнула Семёновна. – Я, Аркашенька, всё спросить тебя хочу, как ты жив-то остался, после эдакой, не приведи Господь, кому такое испытать, эдакой жути морской с акулою окаянною? У меня до сих пор сердце заходится, ведь совсем мальчонка, зайкой же стать-то можно?

– А я им и стал! – Шуйский вдруг осёкся и замолчал, но было поздно! Семёновна замерла у тазика, и ждала...!

«Да что же ты морда творишь...?» – Шуйский заскрипел зубами, сунь ему в этот момент пистолет в руку, он, не раздумывая, пустил бы пулю в лоб! Сейчас он готов был провалиться,

испарится, чтобы только не видеть этих жалостливых глаз, устремлённых на жалкого Аркадия Петровича, растерянно стоящего перед хозяйкой.

– Право, Аграфена Семёновна, я и так утомил Вас своей историей. Ну, а продолжение будет столь нудным, скушным и чрезвычайно утомительным, до завершения повествования этой печальной истории моего детства. Я объяснюсь в двух словах! Не говорил я два года! Возили меня по всей Одессе и за её пределы, вобщем лечили! И вскоре я замычал...!

– Как этот, что-ль, из шестой...? – перебила Семёновна.

– Совершенно верно! Мычал абсолютно также, как наш из шестой. И, как видите, до сих пор, так сказать компенсирую болтовнёй своей недосказанное из детства моего. Даже чересчур. Увы! Я пойду, Аграфена Семёновна! – сил продолжать разговор, у Шуйского уже не осталось!

Как вышел за двери и как в свои вошёл, Аркадий Петрович совершенно не помнил. Он очнулся только возле своего стола, когда поставил тарелку с десятком пышных оладий, которую у порога сунула ему в руки Семёновна. Быстро одевшись, Шуйский вышел из барака и направился в сторону магазина, ему срочно надо было выпить, немного, но надо – нервные судороги разгулялись по всему его телу.

«Ну что, свинья? Bravo! Нет слов – зритель покорён, он плачет! Лихо сыграно, до собственного изнеможения! Зато шкуру спас свою, „Шкура!“ Ты рыдал на её груди, ты сумел разжалобить, расплавить прочную броню этой суровой женщины. А брони-то не оказалось – это даже не скорлупа от куриного яйца. Она своею широкой душою, вытащила твою совесть, она дала тебе посмотреть на неё со стороны. И я посмотрел на тебя – скотина!»

Расслабившись «огненной водой», так называют северные народы всё спиртное, что с ног валит, Шуйский сидел у стиральной машины и выполнял заказ, разложив его на три равные кучи из мешка под номером три. Не торопясь пыхтел сигарой и всё думал о Семёновне: «Почтенная женщина, широкой, доброй души человек! Как всё-таки обманчива внешность? Я сегодня познал абсолютно другого человека. Как виноват я, как же скверно...! Будь он не ладен, ликёр этот! Однако ж, к моему великому сожалению, никак язык не повернётся сказать, что он отвратителен, а скорее наоборот – сладкое, дьявольское искушение, прекрасное изобретение. Факт неоспоримый!»

«Необходимо сделать обязательно ей скидку – тридцать копеек за килограмм белья! За бесплатно, естественно, она откажется от моих услуг – не та женщина, но...! И пусть исподнее тащит, я никаких размеров не испугаюсь! Я хочу эту женщину целиком оторвать от корыта, окончательно избавив её таким образом, от рабского труда! Вот только вопрос возникает, как деликатней подойти к ней с этой услугой, и чтобы не обидеть, не уронить престиж женщины?»

Шуйский загрузил в машину вторую кучу белья, отмерил порцию порошка и нажал кнопку. Потом он придвинул табуретку к стене и сел. Не торопясь, плехнул из бутылки в стакан, взял новую сигару, раскурил её и предался, полным горечи и досады, воспоминаниям прошедшего високосного года, самого худшего, как ему казалось, года в его жизни!

11

– Да-а-а...! – громко, вслух протянул Аркадий Петрович. – Актёр из погорелого театра, и это в самом прямом смысле этого страшного слова – погорелого! Ты уже год: без кола, без двора, без работы, без жены и театральной суеты. Прямо, как у него, у Гамлета: «Быть, или не быть...?», а в чём твой вопрос сейчас главный на повестке наступившего года? Стать бомжом или собачьим атаманом на помойке? Ты наверняка и тем, и этим не захочешь стать – порода не позволяет-с..., Вы-с-с-с... не из дворовых-с...! А долго ли ещё в этих квадратах, три на четыре метра, проживать собираешься..., вот тебе ещё вопрос? Давай же, ответь, как быть теперь тебе...? А почему не лелеешь надежду и способность верить в себя? Может она сейчас тоже думает о тебе, как и ты о ней. Ну и что, что не пишет? Это ничего не значит, не время, значит ещё! А ты жди... – будет тебе письмо, какое бы ни было оно! Она не из таких..., сообщает кем быть тебе и кем не быть...! Сам и определишь направление, куда тебе катиться.

В наступивший старый-новый год, исполнился год, как перешагнул порог убогого скиталища, лишённый всего что имел, Аркадий Петрович Шуйский – сценический актёр широкого профиля из провинциального театра при доме культуры.

Жилой дом походил на длинный барак с двумя входами с торцов здания, с общим длинным коридором, и с шестью квартирками, с каждой стороны. Таких жилых домов было три, в которых проживали разнорабочие: добытчики полезных ископаемых из мёрзлой земли мурманской, лесорубы и рабочие местного рыбного комбината, и отличались они от обычных барачков высоким фундаментом и толстыми стенами из красного кирпича. Эти три дома расположились на отшибе городской черты и, двумя годами ранее, к ним подвели теплоцентраль, что явилось важным событием для проживающих. Местная кочегарка не жалела угля, и в маленьких комнатах было жарко. Ранним утром к этим барачкам подъезжал старенький автобус и увозил сонных рабочих к месту добычи и разработки ценной руды.

Водка расслабила скованное тело Шуйского, которое он держал в напряжении с самого утра, возможно, этим и спас своё здоровье от заслуженных побоев и не только...! В сознании суровой соседки, он обновил свой образ, как человека порядочного и честного! Он же не виноват, что в детстве его постигло страшное несчастье, которое нельзя позабыть! Сейчас он дал самому себе твёрдое слово: никогда не обманывать Аграфену Семёновну, если даже, что и сотворит неладное. Но при ней – никаких сцен! В отношении остальных жильцов дома, за себя он поручится не мог – профессиональная деятельность театрального искусства проела его всего, и управлять собою в той или иной сложившейся ситуации он был не в силах, как бы того ни желал.

Крепкая «огненная вода», принятая Аркадием Петровичем, настроения не прибавила, даже наоборот, нагнала страшную тоску по той жизни, которую он так хорошо и безмятежно проживал.

В самом центре Мурманска, он прожил целых шесть лет, с женой и приёмным сыном, который обожал его и ласково называл тятей. Жизнь, как считал он, удалась! Да и многого он не требовал от неё: хорошая квартира в центре города, жена, не так, чтобы до безумия любима, но умница и понятливая женщина, умеющая прощать его актёрские шалости и мелкие проделки, за что он её очень уважал и ценил эти качества женщины. Рая, так звали жену, была давно в разводе. Бывший муж оставил ей и сыну квартиру, а сам навсегда покинул Мурманск. Вскоре она встретила его – Аркадия, они поженились, и его жизнь, все шесть лет, текла гладко и беззаботно.

Но всегда настаёт тот момент, когда бесконечным флиртам, реверансам и невинным, шаловливым проделкам, приходит конец! Чаша женского терпения его дорогой Раечки лопнула в душном буфете ДК, в один из воскресных дней, вовремя не запланированной репетиции

и грандиозной пьянки, повод для которой имелся. И после этого череда неприятностей начала сыпаться одна за одной на голову ведущего актёра маленького театра.

Судьба дала пинок под зад, и он, парящим, орлиным полётом, совершил перелёт из центра города на самую его окраину, в рабочий район. Его, баловня судьбы, она засунула в тесную комнатуху барака, оставив без сцены, без ролей и без театра, потому, что театр при доме культуры сгорел дотла, вместе с домом культуры. Имея большие связи в городе, художественный руководитель, высоко ценивший его актёрский талант, отыскал ему за чертой города пристанище, как «пострадавшему», когда тот оказался на улице. Не дал особачиться и свалиться у помойной кучи и Егорка, сын Раечки, уже взрослый и самостоятельный парень. Егор сильно привязался к Аркадию Петровичу с первых же дней, когда мать привела его в дом. Они все шесть лет были друзьями, как говорят, не разлей вода, ими же остались и по сей день! И то, что мать выставила отчима за порог, нисколько не охладило их дружбу. Егор, как мог, помогал отчиму, пока тот не очухается от столь резких, сыпавшихся на него ударов судьбы, от которых не сразу придёшь в себя. Ведь он, кроме, как игры на сцене, ничего почти не умел делать, хотя и родился в семье военного моряка. Но фактически, воспитателями Аркадия Петровича, были его бабушка и Одесский драмтеатр, где бабушка много лет выступала на сцене, а театр для маленького Аркаши, стал вторым домом!

Его бабка и прабабка, были известными актрисами Одесского театра драмы. Маленький Аркадий тоже мечтал, что будет играть на сцене этого театра, а бабушка его обучит всему, чтобы стать известным, как и она. Бабуля всюду таскала его за собою: на репетиции, на представления и просто на посиделки, когда актёры собирались после спектакля. Он детскими глазами постигал чудеса перевоплощения, когда наносят грим и надевают парик, когда меняют костюмы разных веков во время антракта, изменяя облик свой до полной неузнаваемости, и конечно же сама игра актёров, зачаровывали маленького Аркашу.

Бабушка играла много главных ролей разного жанра. Маленький Аркадий видел восторг зрителей от её игры, громкие аплодисменты и много цветов. После спектакля она отводила его домой, а он, с большим восторгом, рассказывал папе и маме, как она играла, как ей долго хлопали в ладоши тёти и дяди и кричали «браво!».

Бабушка и внук мечтали, как они вместе будут играть на одной сцене. Но их мечты на предстоящие годы не сбылись! Отца его, офицера Черноморского Флота, перевели служить на далёкий, холодный Северный Флот.

Аркадий учился в школе, а его актёрский талант развивался в театральном кружке, который он посещал. Среди подростков, мечтающих стать великими, Шуйский выделялся особым разносторонним даром, он умел мастерски перевоплощаться, бабушкино назидание, Аркадий усвоил хорошо!

Неожиданно перед лицом Аркадия Петровича предстал образ той, ещё не старой бабушки, и он снова услышал её голос: «Актёр, Аркашка, должен играть так, чтобы до последнего зрителя в зале, до последней уборщицы, которая подглядывает в дверную щёлку во время спектакля, ни у кого, повторяю, ни у кого, не оставалось никаких сомнений, что ты сыграл правду! Горе героя, которого ты играешь, ты обязан переживать так, как будто это горе случилось у тебя самого, и слёзы горькие, ты обязан катить по своим щекам в таком изобилии, чтобы их хватило на каждого зрителя, да ещё и уборщице досталось! А скажем, ты признался в любви необыкновенной и был сражён коротким „Нет!“. Отвергнут, ты отвергнут...! Сердце твое трепещет и рвётся из груди, оно стучит, дубасит камнем в рёбра юного, любящего тела твоего! И вот этот стук сердца, должен услышать каждый зритель в зале, а уборщица в страхе обернуться, посмотреть, кто стучится в её дверь, в которую она просунула свою любопытную голову? Твоя первая любовь, как она прекрасна...! И вдруг, она отвергнута, она раздавлена...! Возлюбленная стоит в презренной, гадкой позе, а в груди её смеётся безжалостное, холодное сердце, и ледяной взгляд застывает в глазах её. Сердечко твоё стонет, разрывается, вопит

и ропшет...! И этот стон, стук сердечка в рёбрышки твоего юного тельца и твои слёзы...! О-о-о...! Эти чистые, кристальные слёзы! Твоя отвергнутая любовь вся извелась и создала круглую лужу у ног презренной, безжалостной избранницы не достойной тебя. И в это самое время, её ненавидит весь зал! Зал плачет и гневно ропшет, сморкаясь в платки и кулаки. Чья-то жалостливая „душа“ не выдерживает этой жестокой, безжалостной пытки, которой подверглось это юное, безусое создание. „Душа“ эта срывается вдруг с места и бежит к тебе на сцену, чтобы вытереть твоё лицо, залитое слёзными страданиями. А потом, добрая „душа“ эта, вцепится в белокурые локоны избраннице твоей, повалит её на пол и начнёт возить носом по луже твоих страдальческих, полных кристальной чистоты слёз, которых она не достойна даже касаться! Зал встаёт под гром бурных оваций и кричит „Браво, Аркадий, брависсимо...!“ – звучал голос бабушки в голове. – Вот это, Аркашенька, настоящая игра актёров! Одного жалеют, сопли ему вытирают, своими же сопливыми платками, потому, что ты довёл зрителя до такого состояния непревзойдённой игрою своею. Это твои слёзы и сопли в их платках и кулаках, и уборщице досталось, даже с лихвой! Вторую же, презренную и холодную, по луже слёз твоих кристальных отчаянно возят носом, и почему...? Да потому, что оба вы, сыграли очень хорошо! Вы заставили зрителя раскрыться, каждый показал себя, кто он есть? Нам же, актёрам, каждому достаётся своё, кого сыграли, того и заслужили! Так вот, внучок, трагедия и играется!»

Шуйский грустно усмехнулся, ему этот разговор, а скорее наставление, запомнилось на всю жизнь. Он вспомнил, как они остановились, она, дымя сигаретой, взяла его ручонку в свою руку, и они зашагали дальше. А он задавал всё новые вопросы, и как играют смешные роли? Они ему больше нравились, также, как и бабушке.

«В трагедии, внучек, зритель должен плакать. Нет..., не так сказала! Зритель обязан плакать, потому, что ты на сцене плачешь! И совершенно всё наоборот, в комедии! Может это и жестоко, но мы, актёры, все жаждем славы и утешаем своё самолюбие тем, что чем меньше зрителя остаётся в зале, тем большего совершенства ты достиг в игре! Я имею ввиду милок, в комедийной игре.

В комедии, золотце моё, своею игрой, ты обязан заставить зрителя сперва засмеяться. Это во-первых! Во-вторых, смех его постепенно должен переходить в истеричный, неконтролируемый, взрывной. Ну, а в-третьих, так сказать, дальше-то куда, когда уже и не куда, да и выше-то, не куда! Это, так сказать, вершина всего, пик, высшая точка кульминации, апогэй всему, понимаешь ли! Это, Аркадьюшка, естественное доведение зрителя до полного конфуза!» – Шуйский невесело усмехнулся, вспомнил, как он спросил бабушку, что за слово такое – конфуз? Бабушка, как могла, стала объяснять в деталях.

«Конфуз, деточка, это доведение человека до открытого стыда! Как ни печально, но нам, артистам, приходится это делать. Конечно, всё зависит от роли и манеры её исполнения, так сказать от таланта актёра» – Аркадий Петрович хорошо помнил, как тогда он перебил бабушку и спросил её, как выглядит стыд? И бабушка начала объяснять...! По её глубокому убеждению, как она говорила тогда, будущий артист обязан знать и читать не только эмоции, выражающие на открытых лицах зрителя оценку игры актёра, но и последствия этой игры. Эмоции, которые довели зрителя до полного конфуза, спровоцированные игрой актёра, в корне отличаются от эмоций нескрываемого восторга! И в этой ситуации, артист должен быть крайне осторожен – зритель бывает разный!

«Деточка! Стыд, как бы тебе мой маленький объяснить попроще..., вот вырастешь, сам потом осознаешь его! Но я глубоко убеждена, и я бы не советовала ходить на спектакли людям, со слабым здоровьем ну, например, страдающих недержанием, или скажем – кого и прорвать может, Боже упаси...! Всё опять-таки зависит от мастерства актёра. У меня бывало до окончания комедийной пьесы, ни одного зрителя не оставалось в зале! Я, помню тогда внесла предложение новаторское, чтобы театр был обеспечен достаточным количеством туалетов. Неприлично, когда почтенная публика выходит из зала в фойе в мокрых брюках, а дамы будто в лужах

посидели, да ещё очередь в туалет, словно в мавзолей Ильича, да простят меня Господь и власть Советов!

Вот так-то, мальчик мой! Пока жива, и ещё на сцене, обучу всему, что полагается настоящему артисту высокого полёта. Меня сам великий Станиславский знал, звал с собою, в столицу! Но я верна только своему театру и родной Одессе! Мы ещё с тобой покорим и столичные сцены, и много ещё каких, мы ещё произведём фурор, страна наша большая, и она узнает о нас!»

12

– Эх, бабуля...! Если б ты видела, как я фурор за фурором произвожу. Сгорел твой артист, вместе с деревянным театром! Зритель меня суровый окружает, душою не трепетный, и дом мой не дом, а камера, правда тёплая, на это не жалуясь. – Шуйский забросил последнюю, третью кучу белья заказчицы Семёновны, и предался анализу воспоминаний – достижению чрезвычайных успехов годовой давности в личной жизни и на сцене.

В начале января прошедшего года художественный руководитель театра при доме культуры, он же сценарист-постановщик, неутомимый Казбек Кердышвили, поставил впервые в своей творческой жизни спектакль собственного сочинения. С наступлением хрущёвской оттепели после строгого сталинского режима, во всех направлениях культуры и искусства, актёрская богема могла теперь развернуться, не столь широко конечно, и всё же!

Чрезвычайно резкий в движениях, в разговоре, в жестах, неустанный джигит Казбек Кердышвили – черноволосый грузин с русскими корнями, дал представление своего изобретения в один из воскресных дней в доме культуры. Зрителя на «сером» отшибе города, в большинстве, представлял рабочий класс. Несколько афишных тумб на районе заманивали народ наклеенными, свежими афишами с названием премьеры «Учи жену жить по уставу!». Народ шёл в кассу покупать билеты на вечернее представление. Название премьеры вызывало интерес даже тех, кто вообще не жаловал театр.

Раиса, жена Шуйского, села в кресло своего ряда в самый разгар представления. Она опоздала, задержавшись в костюмерной, выполняя срочный заказ.

Аркадий Петрович играл главную роль. Судя по возбуждённым лицам зрителей в зале, Кердык, так называли художественного руководителя в его отсутствие, замутил что-то невероятное! Зритель не скучал, на их лицах читалось переживание, волнение, сочувствие, у многих в глазах стояли слёзы.

Она впервые увидела мужа в военном мундире. Он играл офицера НКВД, в звании майора. Немудрёные декорации, создавали простенькую домашнюю обстановку на сцене. За чёрным окошком, периодически, цветными лентами проплывало северное сияние. Раиса поняла, что действие происходит за полярным кругом.

Её Аркадий сидел на стуле, закинув ноги в надраенных, хромовых сапогах, на круглый стол. На белоснежной скатерти лежал кусок ржаного хлеба, а рядом голубая тарелка, из которой торчал надкусанный, сморщенный огурец и две картошки в кожуре. Правой рукой он держался за стакан, а опущенная левая крепко вцепилась в горло, почти осушенной до дна, бутылки.

Китель его был расстёгнут до последней пуговицы и белая, нательная рубаша вылезла из брюк-галифе. Она никогда не видела мужа в роли пьяного. Но сейчас, глядя на него из пятого ряда, ей казалось, что в стакане и в бутылке всё настоящее, а её Аркадий Петрович вдрызг пьян!

«Ну это уж слишком! Чёрные сапоги на белой скатерти, кто же его довёл до такого состояния? А зритель активный, переживает. Мужики, и те сморкаются!» – Раиса очень жалела, что не смогла прийти раньше, видимо события здесь, развивались жаркие.

Тем временем, майор НКВД начал произносить монолог мычащим, хриплым голосом, медленно растягивая слова, а затем резко и громко обрывал их, сопровождая прервавшийся монолог затяжной икотой и глубокими вздохами.

Раиса начала вникать в суть постановки Кердыка. За столом сидит пьяный чекист, усталый и злой, который пришёл с работы домой из лагерной зоны. Теперь он расслабляет, до предела натянутые нервные струны, сорокоградусной «огненной» водой, которую прихватил из магазина по пути домой.

Рая смотрела, как её Аркаша широко раскрыл рот с квадратными усиками под носом.

«Они ему совершенно не идут!» – подумала в ожидании того, что он сейчас произнесёт. Но монолога не последовало, рука его отпустила зажатые бока стакана и стала вырисовывать кривые зигзаги над головой, сопровождаемые только одним мычанием. Не прекращая мычать, голова медленно заваливалась назад.

«Как мастерски поработали в гримёрной, такие волосы до плеч, нелегко собрать и спрятать под фуражкой, сколько ж шпилек и булавок ушло, как приклеенная сидит!» – удивлялась Раиса.

Дверь открылась, послышалось завывание вьюги, и в чёрной дыре промелькнули снежные хлопья. В комнату вошла симпатичная женщина, сняла варежки и своим дыханием начала согревать руки. На плечах её пальто и на меховой шапке, лежал белый снег.

Женщина начала раздеваться, кидая колкие и язвительные реплики в сторону нарезавшегося майора. Это была жена начальника зоны! Она стояла у стола и громко изливала всё, что накопилось у неё в душе за долгие годы. Потом подошла вплотную к нему и тряхнула за плечо.

– Цыть, дорогая! – Шуйский, не открывая глаз, махнул рукой в сторону двери, потом пронзительно свистнул и двинул по столу сапогом, не поднимая запрокинутой головы. Это только подстегнуло её, голос набирал силу женского гнева. Длинный монолог разгневанной жены, сопровождаемый слезами, летел в уши сидящего в непристойной позе пьяного майора, которому было безразлично каждое её слово, выплёскиваемое с такой болью и горечью, накопленными за долгие годы жизни с ним.

– Да цыть же, ненаглядная, цыть...! – и удар надраенного хромача, снова обрушился на стол. Вилка, как ужаленная, подскочила и полетела на пол. Жена отчаянно что-то громко прокричала и, схватив из тарелки огурец, с силой воткнула его в открытый рот мужа! Майор, захлёбываясь в кашле, давился солёным рассолом сморщенного, дряблого огурца, а она, закрыв лицо руками, бросилась на кровать, заполняя комнату громкими рыданиями несчастной, бедной женской доли!

Раиса плакала! Слышны были женские всхлипы, мужики притихли. Какое-то время в зале стояла полнейшая тишина, только майор, прокашливаясь, нарушал её. Однако никто не смеялся, когда он наконец вытащил огурец и брезгливо бросил его на пол.

Рая смотрела, как её Аркаша опускает одну ногу со стола, потом другую и медленно поднимается со стула. Он делает неуверенно первый шаг, второй и, подав вперёд неустойчивое тело, шаркая каблуками по полу, направляется к рыдающей в истерике супруге.

– Встать! Смирно! И ещё смирнее...! – орёт начальник зоны. Наступает пауза, он всматривается, кто там в рыданиях трясётся в его кровати, уткнувшись носом в его подушку?

– Дорогая, цыть! Домой! Не мешайся здесь, иди-иди! – и поворачивая голову к зрителям, продолжает кричать в зал.

– А я говорю, стоять...! Шаг вправо, шаг влево – валю на месте, на хер-р...! И много навалю..., кто стоять не будет смирно у меня...! Становись...! – заорал майор. – На первый-второй, рассчитайсь...! – Начальник, пытаясь принять строевую стойку, начал застёгивать на мундире пуговицы, но теряя равновесие, стал валиться на пол.

Грохот упавшего на сцену тела, звучно прошёл по залу. Притихший зритель сидел не шевелясь, уж очень всё было натурально: пьяное лицо усталого от службы майора, ещё не утратившая женской красоты жена, рыдающая от серого однообразия быта, где тебя окружают несколько офицерских домов, казарма, и длинный из колючей проволоки забор зоны. Всё это серое окружение в белой тундре, вызывали невыносимую тоску по дому, а приказа мужу, чтобы сдать дела и покинуть тундру, всё нет и нет. Зритель ждал развязки.

Начальник зоны приподнял голову и увидел на кровати свою ненаглядную Светочку – она уже не рыдала, она хлюпала носом в мокрую подушку.

– Э-э-х-х-х... м-а-а-а...! – глубоко выдохнул пробудившийся чекист. Он снова положил голову на пол, закрыл глаза и начал тихо говорить.

– Печально очень как, в краю холодном душу заморозить! Мне уж не дано, возврата к нежной лирике душевной. Забыл я Пушкина давно, а Есенин в дрёму даже клонит. Я сказку детскую не вспомню ни одну, и уж душевную, застольную, теперь, навряд ли я спою! Лишь сны тревожные одни: в робах чёрных зеки, да прожекторов огни. В зубах серебряные фиксы, будто псов оскал, и каждый раз, часовой мне снится, как безмолвно с вышки он упал. Тревога! Тревога и команда «фас!» – вот и весь ночной рассказ! Устал я, дорогая!

Света стояла рядом, она взяла его руку и помогла подняться. Они молча сели на кровать, прижавшись плотно плечами. Света заговорила первой спокойно, ласково и тихо.

– Так нельзя, Гришенька! Ты четвёртый год без отпусков. Облик твой, сам не замечаешь, а он становится холодным. Просись, добивайся как можешь, но тебе надо отдохнуть! На юг поедем, к теплу, согреешься, оттаешь, и лирика в тебе проснётся, и ты снова будешь ею жечь моё сердце, как и прежде в юности своей.

Он медленно повернулся к ней и нежно взял за плечи, глядя в её глаза, наполненные слезами.

– Какая глубина, и сколько в них печали! Неужели прожитые годы их только ею наполнили? Не печалься родная, гони свою грусть, ну хочешь, прямо сейчас, дорогая, я что-нибудь из устава прочту тебе наизусть!

Она грустно улыбнулась, обняла руками его шею, и тихо сказала: «Я твои уставы давно все знаю наизусть!»

13

Зал шумел аплодисментами, с разных сторон слышалось «браво!», а на сцене неожиданно появились букеты цветов – явление редкое в эту пору для Заполярья. Видимо, в антракте кто-то похлопотал по своим каналам, и к концу представления их успели доставить.

Раиса, под впечатлением игры мужа, выскочила из дома культуры и бежала к автобусной остановке с одной только мыслью – любой ценой раздобыть для своего Аркаши букет свежих роз и вручить их прилюдно, расцеловать и обнять несравненного, лучшего из лучших и самого талантливого!

Казбек Кердышвили от неслыханных аплодисментов и счастья был сейчас не на сцене, он был на небесах! Это был фурор вместе с аншлагом.

– Гэй-гэй-гэй! Ассэ...! – прыгал, опускаясь на колени и, тут же, вскакивал, размахивал и щёлкал пальцами рук, неудержимый, распалённый Кердык. Он помчался в буфет, чтобы закрыть его по техническим причинам для посетителей, а они всем коллективом, до утра, будут праздновать успех его премьеры, его собственной постановки. Он послал гонца с запиской к себе домой, чтобы жена выдала, многие годы простоявшую в углу тёмного чулана, ведровую бутылку старого, грузинского вина, которая дождалась своего часа.

Бедная Рая, с великим трудом, всё же сумела найти в центре города свежие цветы. Она купила девять красных роз с большими, круглыми бутонами. Выйдя из автобуса, быстро заспешила к дому культуры.

И снова она опоздала, потому, что в гримёрных никого уже не было. Была только уборщица, которая и сообщила, что все давно в буфете.

Рая поднялась на второй этаж с каким-то нехорошим предчувствием и даже тревогой и остановилась у дверей, чтобы перевести дух, прежде чем войти.

Небольшое помещение буфета гудело словно потревоженный улей. Табачный дым, густым туманом завис под потолком. Пять столов были сдвинуты вплотную в один ряд, и весь штат актёров Кердыка шумно отмечал успех, только что прошедшей «на бис», премьеры. Раиса тоже входила в состав этого коллектива, она работала костюмером. Стоя в дверях и всматриваясь в лица громко орущих, смеющихся и хорошо поднабравшихся актёров, своего Аркадия она не находила. Когда же у самой стены, на полу увидела майорский мундир, два сапога, штаны-галифе и фуражку с синим околышем, Рая поняла, что он здесь! Только где...?

Почти весь актёрский бомонд был курящий. Курили не переставая и, сквозь эту завесу, не так просто было увидеть стоящую фигуру, замотанную в белую простыню с прищепкой на левом плече. Фигура стояла на последнем столе в конце буфета, в окружении смеющейся толпы. Волосы на голове были собраны наверх и напоминали большую лепёшку, которой не давали развалиться десяток шпилек и заколок. И на этой лепёшке сидела диадема, в виде двух лавровых веток, сделанная из тонкого листа меди и проволоки.

Женский визг и смех, мужицкие орущие глотки, заставляли повылезать из-за столов всю собравшуюся публику. Вокруг возвышающейся фигуры образовалась плотная толпа.

Рая расстегнула шубу, было очень душно, окинула взглядом накрытые столы, которые не блистали богатым угощением – всё было из буфета и в основном бутерброды. Зато компенсировало простую закуску обилие большого количества бутылок, которых хватило бы и на вторую труппу актёров. В центре сдвинутых столов красовалась высокая бутылка с вином в переплетённой корзине. Её много лет назад, от дальних родственников Кердыка, доставили из далёкой, солнечной Грузии.

Триумфатор стоял в стороне от оголтелой толпы и методично выкрикивал своё «ассе», прихлопывая в ладоши. Кердык был в чёрной черкеске и в чёрных, лёгких сапожках, плотно облегающих крепкие икры лихого танцора. Полчаса назад, в сумасшедшем, непрерывном,

десятиминутном ритме, он выдал кавказскую лезгинку. С дикой скоростью движений ног и рук, вихрем проносился вдоль стен буфета, изящно огибая столы и стулья на своём пути.

Джигит...! Красавец лицом и телом, с аккуратными бакенбардами и усиками, производил на женщин неотразимое впечатление – эталон настоящего мужчины, но не более! Характер его – бурлящий, неугомонный, не терпящий возражений, страсть и вспыльчивость, заставляли женщин выставлять обе ручки вперёд и бежать от такого джигита, как можно быстрее и дальше без оглядки!

Немало хороших, талантливых актёров покинули коллектив худрука – кто со слезами, кто с матерными словами, посылая проклятия в адрес Кердыка и на его дом культуры. Кто же сумел приспособиться и понять быстро отходчивую натуру Казбека, вполне ужились и сработались с ним.

Казбек Кердышвили вырос в театральной семье, и его родители сделали всё, чтобы он получил образование и вышел на тропу театрального искусства. Сегодня Казбек почувствовал, что он что-то может, он умеет творить и его актёры просто молодцы, они поняли, что он хотел от них в игре. Кердык щедро выставил на столы всё, что имелось в буфете: коньяк, водку и шампанское. Сегодня был его день, он торжествовал!

14

Рая стояла на пороге уже минут десять, не меньше! Никто из гудящего в дыму роя не обернулся в её сторону. Толпа крутилась у последнего столика, на котором возвышалась фигура в белом. И только один из зрителей, со сверкающей лысиной, сидел за столом спиной к ней, она его узнала сразу. Это был Черепков Аристарх Абрамович, актёр сорокалетнего возраста и посредственного значения в театре, заклятый завистник многогранному таланту Аркадия Петровича Шуйского, ведущего актёра маленького театра.

Черепков был тучного сложения, он сидел на стуле и одной рукой вытирал платком мокрую лысину, а другой наливал в стограммовый буфетный стаканчик армянский коньяк в пять звёздочек.

Рая неожиданно насторожилась, она услышала на том конце длинного стола, донельзя знакомый голос, который слышала каждый день, все шесть лет – это заговорила фигура, облачённая в белое! Вознеся вверх руки, фигура произносила короткие монологи из какой-то театральной постановки. Толпа даже не смеялась, она ржала, как табун лошадей, непрерывно шлёпая в ладоши и громко выкрикивая: «Браво, браво! Аркаша! Браво, наш ты Цезарь, Юлий Гай ты наш!»

Рая с порога не могла слышать, что там произносил её Юлий Цезарь, но она хорошо рассмотрела, повернувшийся к ней боком, счастливый и пьяный профиль несравненного её Аркаши! И ещё она увидела стройную женщину в красивом, облегающем фигуру платье и в модных, чёрных туфельках, на стройных ножках. Эта женщина обнимала ногу её мужа и целовала его в колено.

«Да это же Люська! Она же еле на ногах стоит и за ногу его держится. Аркаша кажется тоже хорош... , ноги не стоят на месте. Да он вот-вот свалится со стола, как же его качает!» – Раиса ещё до конца не могла разобраться, что там затеял её Шуйский?

Фигура, подняв к потолку руки, снова начала произносить монолог, но о чём, Раиса не могла расслышать стоя у порога. В стельку пьяная, Люська обеими руками вцепилась в правую, выставленную вперёд, коленку Цезаря и, задрав вверх голову, смотрела на его руки, которыми Гай Юлий гоняет под потолком дым и что-то торжественно произносит римскому народу, туда, в дымное небо!

Аркадий Петрович и смазливая личиком Люська, которые своей игрой угодили капризному Кердыку, сразу же после успешной премьеры, были утверждены им, там же в буфете, на исполнение главных ролей в предстоящем спектакле. Шуйский играет Гай Юлия Цезаря, а Люся Соболевская – его жену Корнелию!

На радостях таких, уже изрядно поднабравшись, Люся и Аркадий Петрович незаметно покинули застолье и решили прямо в буфете прорепетировать сценку довольно сложного спектакля, который состоится в следующее воскресенье.

Люська быстро сбегала в гримёрную, схватила из шкафа широкую простыню, прихватила бельевую прищепку и медную диадему, висевшую над дверью вместо лошадиной подковы.

Шуйский не стал её дожидаться, он уже сидел за дальним столом и закусывал бутербродом. Люська вытащила его за руку и повела к большой грузинской бутылки с вином. Не выпустив его руку, налила себе и почти залпом выпила полный стакан, а потом потащила подальше от столов.

Аркадий Петрович, весело хихикая, скидывал с себя мундир чекиста, сапоги и штаны под прикрытием белой простыни, которую держала Люська, неуверенно стоящая на красивых ножках, обутых в туфельки-лодочки.

Закрученного в простыню с прищепкой на левом плече Шуйского, публика подняла на стол, предварительно стащив скатерть и всё, что на ней было. Выпив стаканчик, поднесён-

ный вместе с огурчиком, Шуйский начал импровизировать. Не зная ещё текста предстоящего спектакля, развязанный язык Аркадия Петровича молотил чушь, которую впихивал в свои монологи, собранные по слову, а где целыми фразами и цитатами со всех спектаклей, в которых играл когда-то. Получалось очень забавно и смешно.

Раисе в этот воскресный вечер не везло, она пропустила начало премьеры в зале, пропустила и второй спектакль в буфете. Сняв с головы пуховый платок, она подошла к первому столику и остановилась, не обращая внимания на сидящего Черепкова с блестящими, наглыми глазами, который не моргая пялился на неё и что-то жевал.

Шуйский протыкая руками клуб табачного дыма, облаком проплывающий под потолком, выразительно завершал свой длинный монолог:

– Маску зверя снова вижу я! И что под нею: хобот, иглы, чешуя? Как коварен он, смеётся, он бодается, плюётся! Под личиною он смел, безрассудству нет предела, скольких в жертву приносил, сколько выпил крови! О-о-о... царица, берегись! Телом пышным страсть не разожги, в неге сладкой пребывая. Не заметишь ты во сне, как хобот твоё тело накрывает! Берегись же, берегись...! Маску зверь снимает, страсть уж боле не сдержат, зверя хобот обнажился, и надменное лицо, он при тебе вскрывает! – и в этот самый момент, Люська запустила обе руки под простыню, вцепилась во что-то и резко потянула вниз, как бы завершая этим длинный монолог. Пьяная публика ликовала!

– Славно, славно...! – похлопывая в ладоши, произнёс Черепков. – А у Вас, Раиса Михайловна, действительно, муж талантом не обделён, вы только посмотрите, как он страстно играет извращённого до предела зверя – эдакий мавр! Люська, я так понимаю, за хоботом полезла, чтобы... – звук хлесткой пощечины звонко разнёсся по всему буфету.

Кровь ударила Раисе в голову, лицо покраснело, жар прошёлся по всему телу. Потерев горящую ладонь, и даже не взглянув на ошалевшего Черепкова, она медленно пошла к вопящей толпе.

– Стерва, какая же стерва! Вот где маски сняты, оба под личиной лицемерия ходили. А как сыграли три часа назад, разве не поверишь? Полный зал мужиков-работяг и суровых баб плакать заставили. Лицемеры! Видно не первый раз она, вот так решительно...! Интересно, за что же она так его дёрнула, да ещё обеими руками, стерва пьяная?

Её начал бить озноб, тёплая шуба и буфетная духота не смогли остановить дрожь. Она сильно сжала завёрнутые в газету колючие ветки роз и проколола шипом палец. Возможно этот укол остановил её, в голове всё перемешалось: ревность, жалость, стыд и гнев. Внутри всё бурлило, её разум терял контроль. Сильная боль от колючего шипа привела её в чувство. Она приложила больной палец к губам и смотрела на своего несравненного Аркашу – гениального исполнителя ролей любого жанра!

15

Лицо, которое имел сейчас Шуйский, Раиса видела впервые. Он стоял в неестественной позе, босые ноги разошлись циркулем, на мокром, залитым водкой и вином столе. Раскрасневшееся и потное от духоты, оно смотрело на Раю стыдливymi, испуганными глазами ребёнка, который не успел добежать до горшка и сейчас получит от мамы ремня, потому что он уже большой и смыслённый мальчик. Эти большие, смыслённые глаза не понимали, откуда она могла появиться – его мама Рая?

Он хорошо помнил её слова перед спектаклем. Она говорила, что не сможет прийти на премьеру потому, что получила срочный заказ от влиятельной в городе особы и сегодня его надо закончить любой ценой.

Буквально две минуты назад, сверкающее счастьем лицо от своих произнесённых монологов, повеселивших публику, сейчас выражало изумление и полную растерянность. Вероятность появления его Раечки в буфете, по его расчётам, равнялось почти нулю. Но нуля не получилось, а у Раи, наоборот, появился шанс застать игру дорогого ей Аркаши. Её неожиданный приход, добавил новое действующее лицо, и зритель буфета требовал продолжения спектакля.

Вечер комедии начал плавно переходить в трагедию. Аркадию Петровичу было не впервой, как говорят «переобуться» на ходу и войти в роль, и он не покидал пьедестала, хотя очень желал. Но соскочить со стола, у него не было просто возможности.

Шуйский раздвинутыми, дрожащими от напряжения ногами, удерживал трусы, которые спустила до самых колен Люська, стоящая сейчас со всеми в толпе с глупейшей улыбкой на пьяном лице, которая видимо совсем не соображала, что наделала! Они ведь не договаривались с Аркашей на финал такой сцены. Они сами, ручки её, как-то произвольно, для эффекта поставленной точки в монологе, стянули их. Теперь на месте боевой подруги чекиста, стояла его строгая Рая!

«Бежать, соскочить со стола и бежать, сверкая пятками в гримёрку, там переодеться и снова бежать...!» – первое, что пришло в голову Шуйскому.

Но как соскочить...? Резинка в трусах лопнула, и только ноги не дают им сползти на стол, а ноги скоро сами сползут за края. «Я же еле стою! О Боже, каков финал – позором скверным завершается всё это. А всё она...! Говорил же ей, и не раз: „Играй играючи, легко, не зарывайся глубоко!“ – и вот, пожалуйста, зарыла меня, и как зарыла! Эх, Люська, Люська...! Теперь всё, не выкрутиться мне, не вымолить прощенья у души добрейшей, получай же сполна, по заслугам! Теперь точно, всё!».

Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но внезапно защекотало в носу, и, не сдержавшись..., Аркадий Петрович чихнул! Сразу же за первым, последовал второй чих, ещё и ещё...! Прищепка, удерживающая простыню на левом плече, от такой встряски, кузнечиком прыгнула на другой стол. Шуйский успел схватить сползающую белую мантию Цезаря и зажал её вместо прищепки рукой.

– Чего это ты расчихался, бедуин...? Никак простудился в духоте пустынной? В Египет к Клеопатре, или от неё ноги уносишь...? И верблюда потерял, загнал наверно? Верно от неё, девять месяцев прошло, в самый раз ноги уносить, ты же мудрый шалун, Цезарь! – Рая стояла у самого края стола, нервно улыбалась и смотрела, как ступня Аркаши медленно сползает с его края.

Пьяная толпа один за одним замолкала и смех прекратился, похоже было, что смеяться больше не придётся! Люся Соболевская пыталась протиснуться сквозь плотную стену стоящих и бежать, куда глаза глядят, но Рая, чувствуя спиной её намерения, резко и властно окликнула её! Та остолбенела, сознавая, хотя и очень смутно, куда зашла игра.

– Ты, кажется, Корнелия, жена этого шалуна, так...? А твой Гай от царицы египетской ноги утащил, полководец разврата! Давай же, покажи римскому народу маску зверя, которую сейчас спустила, обнажи звериное лицо!

Люська, будто закиданная помидорами за плохо сыгранную роль, стояла не шевелясь.

– А ты почему, как не свой стоишь, Аркадий Петрович, что, плохо без грима то? Может маску потерял, боишься звериное лицо показать народу? Сейчас я сама его покажу! Ты стой, стой, не трясись ногами, а то упадёшь с пьедестала! – и она положила букет на угол стола.

– Рая! Раечка...! Перестань! Прошу тебя, умоляю, не делай этого...! Не трожь простыню, я же совершенно гол..., – но было поздно! Рая распахнула простыню и увидела сдёрнутую маску зверя – семейные, синего цвета трусы с порванной резинкой, свисали до пяток, и только дрожащие, циркулем расставленные ноги, не давали им опуститься на мокрый стол. Рая совсем не удивилась и запахла логово простыней, повернувшись к Соболевской.

– А где же зверь, Люська? Ни оскала, ни клыков, даже шерсть дыбом не стоит! Мамонтёнок с хоботком, да и тот затаился, может спит...? Тут меня не страх, жалость меня пробивает. Иди сюда, не трону, смотреть будем! Неужели я не права, Люська?

Диадема на голове Шуйского сползла на правый глаз. Обе руки, сложенные крестом, держали простыню сжатыми кулаками, и пот стекал по всему голому телу. Удерживаться на краях скользкого стола не оставалось сил.

– Раечка, нет мочи стоять дальше! Дай же руку мне, я слезу со стола, не позорь меня, не гневи бога, я сейчас упаду, это же конец мо...

– Да...! Это конец твой, Аркадий Петрович! И падать ты сейчас тоже будешь, вот только шторы раскрою, зверя разбужу! Я ему в хобот сейчас! Птьфу-у-у...! – послышался плевков, она тут же схватила розы и дважды ткнула ими туда, куда послала плевков.

Шуйский с воплем валился со стола, а Раиса, тут же повернувшись к притихшей толпе, запустила колючим букетом расставания прямо в голову остолбеневшей Люськи Соболевской.

Рая горько взорвётся рыданиями только за дверями буфета! Будь сейчас наедине со своим Аркашей, она, скорей всего, вытаскивала бы плачущего Шуйского из-под стола. Но при всём актёрском сборе в буфете, сделать этого, она никак не могла. Не оборачиваясь, она уверенно шла к выходу, держа в опущенной руке пуховый платок.

Непрерывное гоготание в наступившей тишине разносилось в маленьком буфете. Это гоготал Черепков, единственный актёр, не принявший участие в развернувшейся семейной драме.

Черепков ликовал! Он откровенно завидовал Шуйскому, его лёгкости исполнения ролей, его авторитету и простоте общения в коллективе. Черепков удерживался на сцене лишь потому, что умело и хитро избегал поводов для увольнения, зная, что актёры и сам худрук его далеко не жаловали за его непредсказуемый характер.

Рая остановилась за спиной гогочущего гусем Черепкова. Ненавистный, жирный затылок, лежал на спинке стула, а вытянутые под столом ноги стучали по полу, как у капризного дитя, доведённого до истеричного плача.

Переложив платок в левую руку, Рая нанесла по круглой, сверкающей лысине удар ладонью такой силы, что брызги пота полетели через стол. Оглушённый затрепачиванием, Черепков замер, как парализованный.

– Теперь слушай, лысый, жирный бурдюк! Ты бездарь...! Прав был Аркаша, тебе только череп бедного Йорика в Гамлете играть. Выше прыгнуть, даже до колена Шуйского, ты никогда не сможешь! Бездарь! – и после этих, громко произнесённых слов, она двинула ногой по ножке стула.

Два актёра лежали под столами: ведущий актёр театра Шуйский под дальним, а актёр средней руки Аристарх Абрамович Черепков лежал на спине, с открытым в изумлении ртом, под первым столом, совершенно не осознавая, что сейчас произошло. Вскоре послышался

громкий стук двери – Раиса покинула «сцену» буфета. Представление закончено, зритель стал покидать буфет!

16

Ужасно хотелось ещё выпить! Душевное состояние, как столбик ртути в термометре, опускалось вниз. Аркадия Петровича бил озноб.

«Нет..., ни в какой магазин! Сегодня же отстираться, высушить и доставить заказ трезвым. Вот так!». Шуйский вытащил из пачки сигарету, прикурил и тут же раскашлялся. Переход с табака кубинской сигары на нашу «Приму» действовал удушающе!

– Как же я не сумел предугадать, что смогу опуститься до столь унижительного положения – мужицкие кальсоны и чёрные портянки стирать. Бабушка, если смотришь на меня, то не смотри пожалуйста, внучок твой прачкой сделался! Горестно и стыдно мне за себя, заигрался я, бабуля! Удивительно тонко подмечено человеком, что в жизни после белой полосы, обязательно наступает чёрная! И сколько же тебе ходить ещё по ней? Неужели эта белая, безмятежная полоса моей жизни в целых шесть лет, столь же долго протянется чёрною, как пешеходная зебра, на ней полосы одинаковы? – Шуйский даже всхлипнул, глядя на работающую немецкую трудягу – он сейчас разговаривал с машиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.